

Мы из Бреста. Ликвидация

Автор:

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста. Ликвидация

Вячеслав Николаевич Сизов

Военно-историческая фантастикаМы из Бреста #4

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Мы из Бреста. Бессмертный гарнизон», «Мы из Бреста. Рейд выживших» и «Мы из Бреста. Штурмовой батальон».

Выведя из окружения гарнизон Брестский крепости, наш современник меняет историю 1941 года.

Гитлеровский блицкриг сорван. Наступление Вермахта на Москву провалилось. Пути снабжения группы армий «Центр» фактически парализованы Брестской Отдельной Штурмовой бригадой под командованием «попаданца».

Пришла пора зачищать тылы Красной Армии, разгромив бандформирования на Северном Кавказе. И «бессмертный гарнизон» приступает к горной спецподготовке для проведения контртеррористической операции в Чечне, зачистки Ведено и ликвидации бандподполья...

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста. Ликвидация

© Сизов В. Н., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Мой товарищ, в смертельной агонии

Не зови понапрасну друзей.

Дай-ка лучше согрею ладони я

Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,

Ты не ранен, ты просто убит.

Дай на память сниму с тебя валенки.

Нам еще наступать предстоит.

Иона Деген (1944 г.)

Пролог

Из неопубликованных воспоминаний Маршала Советского Союза Шапошникова
Б. М. (АИ)

«...В конце декабря сорок первого года в ходе обсуждения дальнейших планов наступления наших войск на Калининском, Западном, Центральном и Брянском фронтах Сталин напомнил мне о письмах, хранившихся у него. В свое время материалы тех писем нам серьезно помогли. Вот и теперь Иосиф Виссарионович предлагал мне вновь воспользоваться сведениями оттуда.

Говорить о том, что те письма давали нам ответ на все вопросы, глупо. Мы пользовались ими как справочными материалами, так как целый ряд событий, описанных в них, не нашли своего отражения или были нами своевременно не допущены. Например, прорыв войск 2-й ТГ в тыл Юго-Западного фронта, захват Брянска и т. д. Автор писем к Сталину, по моему мнению, будучи долго оторванным от своей исторической Родины, не смог предусмотреть великого патриотизма нашего народа, его веру в Победу над врагом. Не смог он предусмотреть массовый героизм и подвиг советского народа на оккупированной территории. Например, рейд по немецким тылам сравнительно небольшой оперативной группы войск НКВД, захват ею в плен Гудериана, уничтожение целой плеяды выдающихся полководцев Германии, создание Слуцко-Бобруйского кармана, героическая оборона Смоленска и Могилева, восстание в Минске. Что дало возможность советскому командованию своевременно подготовиться к обороне Москвы, накопить необходимые стратегические резервы и уничтожить врага.

Верил ли Сталин изложенному в тех письмах? Я думаю, что до конца нет. Но то, что он их хорошо изучил, могу утверждать. Об этом говорили его закладки и пометки на страницах писем. Слишком уж там был пессимистический вариант развития ситуации для наших войск. Тем не менее надо отдать должное профессиональной подготовке автора, его аналитическим способностям, предусмотревшего еще задолго до войны возможный сценарий боевых действий и указавшего на возможные ошибки при проведении тех или иных операций...

...С учетом того, что складывавшаяся в тот период обстановка на советско-германском фронте в целом соответствовала описанному в письмах, мы воспользовались анализом возможных ошибок, совершенных нашими и германскими войсками в ходе проведения Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции 1942 г. Благодаря этому нам в значительной степени удалось осуществить многое из задуманного в ходе Сычевско-Вяземской, Торопецко-Холмской, Ржевской наступательных операций войск Калининского фронта, Минской и Вяземской воздушно-десантных, Можайско-Вяземской наступательной операций войск Западного и Центрального фронтов...»

В армию меня призвали по мобилизации в июле. У нас в артели я был лучшим краснодеревщиком, поэтому директор наш Семен Григорьевич никак не мог с этим согласиться. Все «бронь» в горкоме партии пытался мне сделать как нужному в производстве человеку. Да не вышло, все равно призвали. Так попал я в саперы. Под Смоленск. Батальон наш там оборонительные укрепления строил.

В плен попал в августе. Нашему взводу тогда поставили задачу восстановить разрушенный авианалетом мост. Приказ нам тогда был срочно все исправить, так как войска выходить из окружения там должны были. Мы приехали, посмотрели, что к чему. Нужно было заменить часть настила и столбов. По-хорошему там работы той было часа на два, а вот времени-то столько и не было. Наши вроде как уже на подходе были, и требовалось ускорить работы. Вот только народа у нас для этого мало было, а помогать нам было некому. Охрана моста во время налета погибла. Взводный в деревню, что в пяти километрах стояла, поехал насчет помощи узнать. Ну, а мы делом занялись. Ребят погибших в воронке похоронили. Потом в рощу, что неподалеку была, я с десятком парней пошел бревен напилить. Управились быстро. Напилили и назад несем. Только мы к мосту подошли и бревна на землю положили, а тут немцы на всей скорости на бронетранспортере подъехали. Стоят, хохочут, руками показывают, чтобы мы, значит, продолжали работу. А у нас оружия с собой нет. Мы его, чтоб не мешало в работе, на телеге сложили. Тех, кто решился бежать, немцы из пулемета положили. Осталось нас стоять у моста от взвода всего двенадцать человек. Немцы опять руками показывают, мол, работайте, делайте свое дело. Пришлось делать, жить-то хочется. Мне тогда всего 25 лет было. Сначала мы одни работали, затем к немцам подкрепление пришло, в том числе и их саперы. Обер-лейтенант немецкий посмотрел, что и как мы делаем, похвалил, своих солдат на помощь прислал. Так что через два часа мост был готов, и немцы через ту речушку переправились. А наш взводный так и не появился. За работу немцы нас накормили, паек дали, разрешили погибших парней похоронить и как были с инструментами и вещами к себе в тыл отправили. В сопровождение дали двух своих раненых. Так мы до сборного пункта пленных и топали. Держали нас от остальных пленных отдельно в небольшом бараке. Обер-лейтенант, оказывается, записку своему командованию про нас написал, что мы специалисты хорошие. Вот немцы нас и использовали по специальности, на разные работы посылали. Чаще всего мосты да дома ремонтировать. За это кормили из своего котла, куда как получше других пленных, одежду какую-никакую давали. Старшим у нас был знающий русский язык, прихрамывающий на левую ногу пожилой немец. Он и за охранника, и за переводчика, и за

начальника в одном лице выступал. Нас сам не обижал и другим в обиду не давал. Посредником в меновой торговле выступал. Я от скуки из остатков материалов поделки всякие вырезал, а он их менял у своих сослуживцев на продукты, папиросы или вещи для меня. Ну и себя и своих друзей не забывал, частенько просил какой-нибудь подарок сделать. Глядя на меня, и остальные наши мастеровые стали делать поделки да менять. В общем, по сравнению с другими пленными неплохо мы жили. Мастеровой человек – он нигде не пропадет. Я в немецком языке очень даже поднаторел, часто сам с немецкими инженерами и специалистами говорил.

В октябре нас под Оршу послали чинить железнодорожный мост, что партизаны взорвали. Дело было уже привычное, да вот я в реку упал. Слава богу, выплыл и свой инструмент не потерял. Простыл, не без этого. К тому времени у меня уже немецкие документы были. Поэтому лечиться определили в немецкий госпиталь. Там несколько палат для русских помощников имелось. Обслуживали нас русские и немецкие врачи. Хорошо лечили, дело быстро на поправку шло. Однако вскоре нас в Минск было решено эвакуировать, так как мест для прибывающих с фронта раненых и больных не хватало.

По дороге наш поезд был подорван и обстрелян из леса, часть вагонов сошла с рельсов и опрокинулась. В том числе и тот, в котором находился я. Раненые и больные посыпались с полок. Так получилось, что на меня сверху упал очень крупный немец с открытой раной на теле и почти придушил своим весом. Я его с себя аккуратно сдвинул и положил рядом. Вылезти из-под него хотел, да не совсем получилось. Смог я только слегка приподняться и его под себя слегка подтолкнуть. Слишком уж он крупный был, зажал мне руку своим телом, кровью меня всего измазал. Я слабый еще был от всех переживаний и сомлел. Так нас и нашли лежащих рядом. Спасатели посчитали, что я немца того собой прикрыл, так как рядом с нами трое немецких солдат убитыми оказалось. Немец тот был большим чиновником из организации ТОДТа. За его спасение мне выдали 200 рублей премии, а когда выписали из госпиталя, то направили в рабочую команду на склад ТОДТа в Минске.

Работало нас на складе всего полсотни человек – русских, украинцев, белорусов. Жили мы своим тесным мирком. Тут, в отличие от других рабочих команд пленных, нам за работу платили деньги, выдавали неплохой продовольственный паек и рабочую одежду, практически не охраняли, давали возможность еженедельно помыться в бане. Бригадиром у нас сначала был Рудольф, выдававший себя за поляка, жителя западных областей Польши. Но это было

неправда! Евреем он был чистокровным! Уж чего-чего, а евреев я во Львове насмотрелся и могу лучше гестапо определять, где еврей, а где поляк. Хотя они все там и перемешаны и сами не знают, кто есть кто. Нехороший и злой человек, вот что я о нем могу сказать. Вел себя он в отношении нас хуже, чем сами немцы. Те 7 ноября нам бутылку водки и небольшой шмат сала передали, а этот гад у нас постоянно воровал из пайки. Ну да бог шельму метит! В конце ноября его забрали на службу в охранную дивизию.

Хоть выход в город у нас был свободный, специальный пропуск для этого выдали, ходить нам было некуда. Если только на рынок купить что-нибудь из вещей. Деньги, что мы получали, я откладывал на будущее. Краж и побегов у нас не было. Да и куда бежать? Кругом же немцы, а с местными мы почти не общались. О том, что в Минске подполье готовит восстание, мы не знали, так как целый день были заняты на погрузке-разгрузке и ремонте. Немцы на католическое Рождество нам на всех выставили пару бутылок водки. Еще дали каждому по пачке своих сигарет и пирогу с капустой, а следующий день объявили выходным. Вечером мы постирались, выпили, закусили и легли спать пораньше. Проснулись, когда на складе начался бой. Караул восставшие быстро скрутили. Там и было-то всего десять пожилых солдат. Из казармы нас не выпустили, оставив под охраной часовых из числа подпольщиков. Правда, несколько человек из нашей команды, чего-то испугавшись, сбежали через окно в уборной.

К обеду появились чекисты, которые занялись нашей проверкой. Мне и остальным парням скрывать было нечего, присягу мы не нарушали, никого не предавали. Я следователю все без утайки рассказал, как в плен попал и где находился, чем занимался. Чекистов больше кто сбежал интересовали. Я, что о них знал, поведал.

Вечером нас отправили на сборный пункт, где присоединили к группе бывших пленных из «Пушкинских казарм», зачисленных для службы в штурмовой полк комиссара Григорьева. Привезли на окраину города, всех сводили в баню, постригли под машинку, а тем, у кого не было вещей, выдали обмундирование: брюки, гимнастерку, шинель, ремень, шапку, варежки, ботинки с портянками и обмотками. Часть вещей были трофейными, с немецких складов. Прямо на заснеженной лесной поляне при свете костров нас разделили на батальоны, роты и взводы. Назначили командиров из числа чекистов-штурмовиков. Ротным к нам поставили опытного товарища, орденосца младшего лейтенанта Прокудина. Очень скоро мы в роте поняли, как нам невероятно повезло.

Прокудин оказался очень хорошим командиром. Во время боя он всегда был рядом и все свои силы направлял на решение трех главных задач: безоговорочное выполнение приказов вышестоящего командования, максимальное сохранение личного состава роты и обучение военному делу своих подчиненных.

При получении оружия мне досталась самозарядная винтовка Токарева – СВТ, делающая десять выстрелов без перезарядки. Сначала это понравилось, но уже очень скоро стали ясны ее недостатки: повышенная чувствительность к малейшей грязи. Чистить винтовку приходилось иногда по несколько раз в день, а во время боя это было очень некстати. Так я и тащил эту дуру, пока не обзавелся трофейной винтовкой «Маузер».

Под утро следующего дня мы участвовали в атаке и захвате города Заславль. Охрану станции и лагеря для военнопленных там держали две немецкие роты охранной дивизии и железнодорожники. Узнав о восстании в Минске, немцы в Заславль еще подкрепления прислали, вот они и засели в окопах, что от летних боев остались. Рано утром под минометную канонаду нас бросили в атаку. Первую атаку нашего батальона немцы отбили. Не очень охотно парни в атаку пошли, не добежали до врага. Под пулеметным огнем залегли на поле, а потом и отступили на исходные. Даже раненых с поля не забрали. Только «штурмовики» за окраину городка зацепились, дрались в городских кварталах и рвались к железнодорожному вокзалу.

Нас, тех, кто уцелел в атаке, собрали в перелеске, дали минут двадцать отдохнуть и снова бросили в бой. За нами развернулась пулеметная рота, поддерживавшая нас в новой атаке. Во время нее мы бежали в сторону противника, стараясь оттеснить его и заставить выйти на поле под огонь полковых минометов. Неожиданно из немецкого окопа выскочил высокий пожилой унтер-офицер. Увидев невдалеке нашу пехоту, он сразу же буквально нырнул обратно. Я ближе других находился к нему и, не задумываясь, прыгнул в тот же окоп. Немного пробежав и вскинув винтовку, хотел было выстрелить, но немец внезапно исчез за очередным поворотом. Пробежав еще метров тридцать и несколько развилок, я окончательно потерял противника из виду и приостановился, чтобы понять, что делать дальше. Неожиданно сзади послышалось дыхание бегущего человека. В нескольких метрах от себя я увидел штык-нож винтовки того самого унтер-офицера, за которым чуть раньше гнался сам. Уберечься от удара не оставалось времени, и я почти бессознательно упал. В тот же момент по телу скользнуло холодное железо, рядом прогремел

выстрел, и меня обдало чем-то горячим. Это были кровь и мозги немца, которого сверху в упор застрелил бежавший недалеко от меня командир роты, видевший немецкого унтер-офицера и меня, бросившегося за ним. Сейчас я могу смело утверждать, что остался жив только благодаря умелым действиям нашего комроты. Мы закрепились в захваченных траншеях, а чекисты-«штурмовики», поддержанные танками и артиллерией, окончательно выбили врага из города в чистое поле. Где их и добили. После этого нас оставили в городе в качестве гарнизона, для получения пополнения и обучения.

Вскоре в качестве пополнения мы получили бывших пленных из Минского шталага. На парней было страшно смотреть – худые, как сама смерть, одна кожа да кости, как только вообще передвигаться могли. Все никак согреться не могли, все к печке поближе старались сесть. Их и в новую форму одели, и теплые вещи выдали, и горячим бульоном кормили, и первое время на занятия в поле не брали, а они все мерзли. Больных среди них много было, вся санчасть ими была забита. Но выкарабкались. Особенно те, кто жить хотел. Я, слава богу, не болел, за собой следил, все занятия прилежно посещал, и вскоре меня назначили командиром отделения.

Под Заславлем мы проходили обучение, заново постигая воинскую науку. Учили нас чекисты-штурмовики жестко, никаких поблажек не давали. Может, потому я и выжил. Прежде всего нас готовили к борьбе с танками. Танковые атаки тогда наводили ужас на пехоту. Нервы многих солдат не выдерживали, и они просто убегали куда глаза глядят, подставляя спины под пулеметные очереди. Вот чтобы этого не было, нас и учили бороться с танками, куда и как бросать бутылки. Обкатывали танком или трактором. Вскоре в роте появился специально подобранный взвод ампулометчиков. Эти ребята, находясь в окопе или в другом удобном месте, ожидали приближающуюся боевую машину, выбирали мертвую зону, недоступную для поражения пулеметным огнем, неожиданно выскакивали и бросали в танк бутылки с горючей смесью. Потом в роте появились две 45-мм противотанковые пушки...

Глава 2

«Не, ну его к черту, эту должность, надо проситься в роту, – в который раз зарекался Никитин. – Никакого тебе покоя, сна и еды, только и знаешь, что

мотаешься из края в край. То на аэродром в штаб группировки, то в горком или в обком партии, то по постам, то по казармам и отрядам, то к десантникам, то по лагерям военнопленных, то на склады, то в бывшее гетто, то по заводам, то по лазаретам и баням, то в Заславль, то на железнодорожной станции в сторону Барановичей или Борисова товарищ старший лейтенант посылает. Другие вон встали в оборону и в ус не дуют, а мне приходится все время на ногах мотаться. Совсем загонял меня Николаевич, и меня, и себя не жалеет. Чего он на себя столько навалил? Вон в штабе группировки пять генералов и куча полковников есть, а комендантом Минска Николаич стал! Не могли кого другого назначить! Хотя, может, действительно не могли. У остальных товарищей командиров своих забот и ответственности хватает. Тут и спланировать все как надо, и боями руководить. Да и города они совсем не знают, не то что мы, за месяц, что здесь в лесах обитали, успели выучить. Товарищ старший лейтенант его знает, словно родился в нем. Оно и понятно, сколько раз они с Сашкой Могиловичем да с остальными парнями бывали тут, пока к восстанию готовились. Вот Сашка Командиру все и показал, а у Командира память отличная, если что увидит, то обязательно запомнит. А остальным-то командирам, что из Москвы прибыли, когда по городу ходить да все запоминать? Некогда им! Они в делах и заботах свой штаб почти и не покидают. Как Командир говорит, у них вечный «цейтнот». Одно руководство войсками и поставками грузов чего стоит! Я, когда в штабе с поручениями бываю, вижу, какая это запарка.

Партизаны, танкисты, подпольщики и часть наших «ястребков» сразу после захвата города на Барановичи нацелились, а то оттуда, как только немцы узнали о восстании в Минске, каратели поперли. Хорошо, что наши, захватив немецкие артсклады и танки, привели их в порядок и смогли раскатать «сусликов» на подходе к городу. Немцы-то только вдоль дорог действуют, так как снег кругом глубокий, чуть ли не по грудь. Вот наши этим и пользуются, знают, где их встречать, и из засад громят. В первые дни-то по несколько атак отбивали, а как у немцев резервы кончились, наши сами вперед в наступление на Барановичи пошли. Наступлением, опять же, из штаба группы войск руководят. Так что некогда товарищам штабным командирам решать другие вопросы. Да и мало их, на все направления деятельности штаба не хватает.

Десантники вон, хоть и мало их еще, по прибытии сразу же в наступление на Борисов и Марьину Горку пошли, громя по дороге немецкие и гитлеровские гарнизоны. Генерал Левашов со своими штабными только и успевает, что донесения получает и с картой работает. И ведь не только со своими десантниками на связи, а еще с летунами, танкистами, что его подразделения усилили. С тыловиками и снабженцами Горохова, что на трофейных немецких

складах командуют, у них любовь вообще отдельная. Потому что получить боеприпасы и продовольствие больше-то и негде. То, что из-за линии фронта приходит, – так это совсем капля по сравнению с тем, что есть на складах. Бойцы его корпуса, что самолетами прибывают, с собой немного привозят, только на день-два боя. С бойцами-то тоже проблем хватает, кого куда отправить, какие подразделения усилить или пополнить. Вот и некогда ни генералу, ни его командирам городом заниматься.

Летчики – так на тех все вообще держится. С утра до вечера и с вечера до утра впахивают. И как только успевают отдыхать? Как к ним ни придешь, они в бумагах или на телефоне и рации сидят. С утра и до вечера с горкомом и госпиталем списки на эвакуацию и заявки на поставку необходимого готовят. Потом самолеты встречают, разгружают грузы, грузят эвакуируемых и провожают самолеты в рейс. За ночь-то до сорока самолетов на аэродромы вокруг города садятся, так что некогда им совсем остальные вопросы решать.

Наши батальонные товарищи командиры, как мы город взяли, так все в разгоне оказались, даже вместе собраться у них не получается, только по радио и общаются. Комиссар товарищ Григорьев с «ястребками» на Заславль ударил. Смяли они там фашистов, наших пленных еще чуток освободили. Товарищи Акимов с Петрищевым и пограницами на «фильтре» сидят, бывших пленных проверяют. Начальник штаба товарищ Алексеев при генерале Константинове в главных помощниках ходит. Так что все товарищи старшие командиры при делах получают.

Тех товарищей командиров, что из лагеря для военнопленных освободили, пока на должности не ставят. Их еще лечить и откармливать надо. Доходяги, в прямом смысле этого слова! Они же почти все сплошь либо раненые, либо больные. Многие животом маются, заморили их совсем немцы голодом. Да и тифозных и вшивых из них много. Пока обработку пройдут, подлечатся, в себя придут, времени много уйдет. Так что от них пока толку мало.

Вот и поручило командование группировки нашему Владимиру Николаевичу коменданствовать в столице Белоруссии. А забот тут сплошное море – всех надо накормить и напоить, по домам расселить, завалы разобрать, трупы с улиц и дворов убрать, оружие и документы собрать, обеспечить охрану захваченных складов и пленных, контролировать формирование новых воинских частей и фильтр пленных, поддерживать порядок на улицах города, его оборону, да и еще много другого. Вот и приходится мне по поручениям Командира летать,

куда пошлют, а посылают часто. Связь-то телефонная, что от немцев досталась, хоть и работает, но еще не все нужные объекты подключены. А везде глаз да глаз нужен. Вот Владимир Николаевич меня и гоняет. Хорошо хоть у врага лошадей захватили, а то ногами не успел бы все поручения выполнить.

Позавчера часть проблем по работе с населением с нас вновь образованный горком партии снял. В него местные подпольщики, что восстание в городе готовили, вошли. Они, зная местных жителей и их проблемы, нам на помощь пришли. Занялись восстановлением коммунального хозяйства, разбором завалов, обеспечением жителей топливом и распределением продуктов питания. Да и вообще общение с местными жителями во многом на себя взяли. А то одни евреи из гетто со своими проблемами чего только Командиру стоили. Ведь их там под семьдесят тысяч, и детей, и взрослых. Кроме наших местных сидельцев, немцы туда еще и иностранных из Европы целую кучу нагнали, а они по-русски ничего не понимают, на разных языках говорят. И все они к товарищу Седову на прием лично рвались и чего-то с него требовали, как будто он всемогущий. А ведь чего требовали – и чтобы кого-то там срочно за линию фронта эвакуировали, и кого-то в первую очередь лечили, кого-то одели, кому-то медикаменты и еду дополнительно дали, и т. д. и т. п. И так с утра и до вечера на разных языках, то по-белорусски, то на иврите, то по-немецки или по-польски, то вообще не пойми на чем. И всех их Командир принимал, и понимал, и вопросы решал! И как только Владимир Николаевич со всеми ними справлялся? Нервов-то сколько надо, а они-то ведь не железные. Понятное дело, что люди пострадали, но, кроме них, еще под сотню тысяч наших бывших пленных, что в здешних лагерях у немцев сидели, есть, и городское население никуда не делось. А их ведь тоже всем необходимым обеспечивать надо и их проблемы решать. И все со своими проблемами в комендатуру шли. На фронте и то легче было. Чтобы снять нагрузку, товарищ Седов всех наших оставшихся в городе батальонных командиров назначил комендантами районов и припряг, чтобы они на месте вопросы населения решали, а ведь им и боевые задачи никто не отменял. Так что, когда горком свою работу начал, всем нам слегка полегче стало. Они и списки на эвакуацию и на обеспечение питанием составляют, и городским хозяйством занялись, оставив комендатуре только военные вопросы и охрану порядка. А сегодня вон товарищ Пономаренко, первый секретарь партии, и нарком внутренних дел Белоруссии товарищ Цанава со своими работниками из Москвы прилетели так, что с нас еще часть проблем снимут.

Сашка Могилевич-то теперь таким важным стал. Целый лейтенант ГБ, ходит со шпалой в петлице, отрядом руководит. Мы-то, как сюда прилетели, у него на базе были, вместе в городских боях участвовали. Он со своей группой здание

гестапо блокировал, а потом штурмом брал. Все надеялся семью свою найти, да не получилось. Говорят, что немцы его дом еще в июне разбомбили, а семья где-то в эвакуации находится. Вот только где именно, неизвестно. Парень сильно переживает по этому поводу, да Командир сказал, что найдет через наркомат, там специальный отдел для этого есть. Сегодня Сашка со своим отрядом и парой человек из группы Цанавы опять куда-то отправлен. Вроде как в Несвеж.

Вот интересно, какими нас наградами за захват города наградят? Не, конечно, мы не за награды воюем, но все же хотелось бы перед Оксаной покрасоваться, да и деньги неплохие за них дают. Две медали «За отвагу» и медаль «За боевые заслуги» на груди, конечно, хорошо смотрятся, но с орденом куда как лучше будет. А там, глядишь, и звание прибавится. Сашка-то Могилевич за летний рейд орден Красной Звезды получил. Его ему генерал Константинов еще в начале месяца вручил, а сегодня товарищ Цанава приказ о присвоении нового спецзвания за подготовку восстания передал. Да сказал, что на Саньку представление к еще одному ордену подписано. До отъезда Санька успел свою шпалу слегка обмыть. По сто грамм шнапса выставил. Так, глядишь, скоро генералом будет, нос совсем задерет. Ну да ничего, я тоже скоро командиром стану. Старший политрук, что мои записи о командире и рейде брал, обещал, как назад в Москву вернемся, меня сразу в школу комсостава войск НКВД направить. Единственное – просил продолжать все фиксировать и отмечать. А мне что, сложно? Когда есть время, почему не сделать нужное для страны дело!

Ксюша обещала ждать. Любит меня по-настоящему. Если все будет хорошо, то, как школу комсостава закончу и кубики в петлицу получу, поженимся. Детей заведем. Очень она троих сыновей хочет, а я и не против, семья должна быть большая. После войны на Украину, на Киевщину, к Оксаниным родителям знакомиться поедem. Она пока в Москве в театре работать будет, а там посмотрим, говорила, что хотела в университет поступить учиться на врача или инженера. Так это дело нужное, я же свою мечту стать командиром обязательно в жизнь воплощу. Только бы поскорее мир наступил. То, что у нас здесь, в Минске и Белоруссии, все получится и мы успешно выполним задание страны, разобьем врага и вернемся с победой, даже не сомневаюсь. Командир сказал, что мы победим и войну закончим в Берлине, значит, так и будет. Мы не подведем, сделаем все как надо, а он нас вытащит из любой передраги, в это все наши из «старой гвардии» верят. Ведь и в не таких переделках бывали...»

Глава 3

Идя на подвиги, не алчут орденов,
Не бредят благодарностью державы,
Не узнают примерный вес чинов,
Достойных стать эквивалентом славы.

Идя на подвиги, не ведают о том,
Насколько щедрость Родины огромна,
И называют чрезвычайно скромно
Все то, что станет подвигом потом.

Виталий Коротич

Немецкое командование на захват Минска и его железнодорожного узла отреагировало моментально. Уже в обед над городом появились бомбардировщики. Много. Ударили они по лагерям военнопленных и ряду захваченных нами объектов. Удар был ожидаемый, и потому потерь среди личного состава было не так много, больше гражданскому населению досталось, особенно в гетто. Повторить налет немцам в тот день не удалось. Вмешалась природа, усилив ветер и закрыв небо облаками. А вечером, несмотря на продолжающиеся в городе бои, на аэродроме в Мачулищах разместился истребительный отряд из авиагруппы Паршина. Так что экспертам Люфтваффе на следующий день пришлось сбрасывать свой груз далеко от города. Бомбардировщики Люфтваффе летали с аэродромов в Лиде, Орше, Полоцке и Витебске, их прикрывали истребители с аэродромов в Могилеве, Ивацевичах, Барановичах, Бобруйске, Орше и Борисове. По первости перевес, естественно, был на стороне немцев. Мы могли им противопоставить только дежурные пары истребителей и редкий заградительный огонь зенитной артиллерии, но постепенно ситуация изменилась. Самолеты врага все реже стали появляться над нами. Все объяснялось банально просто. Топливо у немцев восточнее Минска стало редкостью, да и с бортами проблема возникла. Не то что у нас.

На аэродромах вокруг Минска было собрано большое количество немецких самолетов и, главное, огромные запасы авиатоплива и запчастей. Для снабжения группы армий «Центр» в сутки требовалось 120 железнодорожных эшелонов. К началу декабря немцами железнодорожные пути были перешиты на «европейскую» колею только от Бреста до Минска, поэтому грузы требовали перевалки на автомобильный транспорт или в вагоны «русской» колеи. С учетом потерь в автотранспорте и диверсий на железнодорожной линии части Вермахта, действовавшие на Московском направлении, получить со складов все нужное не успевали, а грузы в Минск эшелонами все доставлялись и складировались. Поэтому склады в Минске нам достались богатые, что топливные, что остальные. Если у немцев была проблема в технике и ГСМ, то у нас она заключалась в летном и техническом составе. Подготовленных специалистов для трофеев катастрофически не хватало. Не только на самолеты, но и на все остальное, в том числе танки и автомашины, и это несмотря на больше сотни тысяч бывших пленных, освобожденных из минских лагерей.

Почти десятую часть освобожденных, тех, кто явно сотрудничал с врагом, вместе с русской администрацией лагерей, администрацией гетто, уцелевшими в бою полицаями и всякой другой шушерой пришлось сразу ставить к стенке. По-другому не получалось. Враг был кругом. Устраивать суд и разбирательство – почему перешли на сторону врага – времени не было. Решение «тройки» обжалованию не подлежало. «Липы» никому не шили, особенно с учетом захваченных картотек и показаний спасавших свои жизни Абверовцев и лагерной администрации. Филтрацией пленных занимались ребята Цанавы, прибывшие вместе с ним из Москвы. Они вдумчиво и со всем старанием изучали карточки пленных и заводили филтрационные дела. Это требовало времени, а его у нас просто не было. Тем не менее отпускать в строй без проверки «чекисты» никого не хотели, даже если это был действительно необходимый специалист. Лезть в бутылку из-за скорости проведения филтра расхотелось после беседы с наркомом ВД Белоруссии. Все он понимал и знал, что без механиков и специалистов стоит куча трофейной техники, но потребовал не лезть в дела оперсостава и заняться своими делами. Я не стал обострять отношения с Лаврентием Фомичом, тем более что по остальным вопросам у нас с ним было полное взаимопонимание.

Всех прошедших «филтр» ставили в строй штрафбатов или отправляли на лечение в тыл за линию фронта. Мой батальон и прикомандированные к нам «ястребки» стали основой для формирования новой штурмовой бригады. В нее вошло в том числе и несколько штрафных батальонов. Меня же с согласия Москвы назначили ее командиром. Сначала мы несли комендантскую службу в

Минске и готовили город к обороне, а затем перед бригадой встал вопрос подготовки к рейду на Молодечно и Лиду.

Вообще, я предлагал расширить географию рейда, внеся в него еще и Вильно. Для этого мне нужно было еще пять стрелковых батальонов. Они требовались для закрепления освобожденной от врага территории. По сообщению разведки, гарнизон города Вильно был небольшой: несколько батальонов литовской вспомогательной полиции, штаб охранной дивизии с немецким пехотным батальоном, охранный батальон лагеря для военнопленных и немецкие железнодорожники. Захват железнодорожного узла Вильно сулил в будущем большие перспективы для наступления наших войск – перерезалась еще одна стратегическая магистраль снабжения немецких войск сразу двух немецких ГА – «Север» и «Центр». Плюс это давало возможность пополнить войска нашей группы за счет наших военнопленных, содержащихся в лагерях Молодечно и Вильно.

За мое предложение были Цанава и Константинов. Против выступило партийное руководство республики и штаб генерал-лейтенанта Болдина. У них были другие предложения. После захвата Минска у народа было головокружение от успехов. Они хотели все получить сразу, без разведки, точных сведений о противнике и предпринимаемых им действиях.

Партийное руководство выступало за скорейшее освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков и восстановление здесь советской власти. Они были не против рейда на Молодечно и Лиду, наоборот, обещали помощь партизанских отрядов, но вот планы наступления на Литву встретили со значительным холодком. Им больше импонировало предложение о сильном ударе на Барановичи, внесенное несколькими полковниками из группы Болдина. Это предложение основывалось на данных городских подпольных групп в Фаниполе, Дзержинске, Столбцах, Городее и Барановичах. Исходили они из того, что во всех указанных населенных пунктах гарнизоны немцев слабые – не более роты Вермахта плюс силы жандармерии, вспомогательной полиции и отряды «организации Тодта». Что во всех перечисленных населенных пунктах есть рабочие команды военнопленных численностью до 250 человек, и они присоединятся к нашим частям. Что Барановичи рядом и якобы сведения о гарнизоне проверенные, а у нас есть силы для захвата этого города. На мои доводы о том, что там крупный железнодорожный узел, сильный гарнизон и аэродром с мощным зенитным прикрытием, что гарнизон после минских событий насторожен, внимания не обратили. Напирали на то, что в городе большой

лагерь для военнопленных, что в городской тюрьме страдает около 20 тысяч советских граждан, на поддержку местным городским подпольем нашего наступления и т. д. и т. п. Слава богу, в трусости меня никто из них не обвинил, памятуя о том, чьими силами взят Минск, а то бы я тогда точно кого к стенке поставил или морду лица набил!

Решение на удар и штурм Барановичей принималось штабом группировки под давлением партийного руководства республики, без участия Константинова, выехавшего в 214-ю десантную бригаду Левашова, действовавшую в направлении Марьиной Горки и Борисова. На Барановичи бросили шесть недавно сформированных штрафных стрелковых батальонов и танковый батальон с несколькими партизанскими отрядами. В итоге они потеряли почти двадцать единиц бронетехники и несколько тысяч человек убитыми и ранеными. Город как был под немцами, так и остался. Хорошо, что наши хоть смогли закрепиться на «линии Сталина».

А нашу бригаду, чтобы мы не мешались под ногами, отправили в согласованный со Ставкой рейд на Лиду и Молодечно.

Подготовка к рейду на Лиду началась еще в первый день нашего прибытия под Минск. В июле, отправляя группу Могилевича в рейд из Пружан, пользуясь послезнанием истории, я просил Иониса добраться до своих родных мест и закрепиться там, ведя разведку немецких гарнизонов в Лиде, Новогрудке, Воложине и Молодечно. Что тот и сделал, устроившись на работу по специальности в управу. Через своих знакомых и друзей он собирал сведения о численности и местах расположения противника, лагерях и рабочих командах военнопленных, настроениях местного населения. Могилевич смог установить контакт с землемером, и тот через наши группы посылал разведданные о положении дел на Гродненщине. Дополняли сведения Иониса действовавшие в Налибокской пуще и в районе Лиды диверсионные группы НКВД и партизаны. Сведения постоянно уточнялись и перепроверялись. Мы знали фамилии комендантов, местоположение и численность гарнизонов Вермахта и вспомогательной полиции. Немцы стояли в основном в крупных населенных пунктах рядом со стратегическими магистралями, а вспомогательные полицейские силы численностью от трех до пяти человек – по деревням.

В зоне наших интересов наиболее крупные немецкие гарнизоны силами до батальона 403-й охранной дивизии были в Молодечно (663-й ландверный) и Лиды (564-й ландверный), там же стояли подразделения организации Тодта,

Люфтваффе, команды Рейхсбана (Германские железные дороги). Небольшие, силами в роту, немецкие и полицейские гарнизоны стояли в Воложине, Ивенце, Вишневе, Ивье. Команды Рейхсбана были на всех железнодорожных станциях. Полицаи были из местных поляков и белорусов, кроме того, в районе Вилейки, Молодечно, Новогрудка и Слонима отмечались действия литовских полицейских батальонов и отрядов. В городках и местечках действовали антисоветские организации Национально-Трудового Союза (НТС), собиравшего под свои знамена всякую шваль. В Минске мы разгромили их штаб, вербовочную группу Абверкоманды 103Б и штаб «Белорусской народной Самааховы (Самообороны)». В них были захвачены очень интересные документы о взаимоотношениях всякого рода «общественных» организаций с Вермахтом, Абвером и СД. Так что снимать их со счетов мы не собирались.

Местом сбора личного состава бригады стал Заславль. Там на территории Заславского погранотряда, военно-технического склада ПВ НКВД и бывшего лагеря для военнопленных формировались боевые группы и команды бронепоездов, обучалось и одевалось прибывающее пополнение штрафных батальонов. С учетом наличных средств и сил было решено нанести практически одновременно два удара. Один на Молодечно, второй на Лиду. На Молодечно должен был действовать отряд Акимова, а рейд на Лиду возглавил я.

В задачу отряда Сергея входил разгром немецкого гарнизона, захват и удержание Молодечно и его железнодорожного узла, освобождение военнопленных из дулага № 112 (по предварительным данным, там содержалось порядка 32 тыс. наших военнопленных) с последующей эвакуацией после «фильтра» больных и раненых по железной дороге к Минску. Для этого в его распоряжение отдавались: батальон из числа «истребителей», три штрафных стрелковых батальона и два самопальных бронепоезда, созданных из четырех железнодорожных составов, захваченных на станции «Беларусь», и трофейной бронетехники. Действия Сережиного отряда должны были отвлечь от нас внимание немецкого командования и Люфтваффе. Проблем у Сереги была куча, особенно с пленными. По сведениям, в дулаге зверствовали голод и тиф. От недоедания и болезней в нем умирало до 300 человек в сутки, кроме того, немцы ежедневно расстреливали до 200 человек. Народ надо было срочно спасать, да и линию фронта следовало подальше от Минска оттянуть. После захвата железнодорожного узла Акимов один из бронепоездов должен был направить на Лиду, а второй держать на обороне станции. Была и еще одна причина (подсказанная опять-таки послезнанием истории), по которой следовало срочно разобраться со 112-м дулагом. Немцами там проводился первичный (неявный) отбор пленных для комплектования кавказских и

украинских легионов. Именно поэтому туда из Минска был переведен целый ряд врачей и медработников кавказских национальностей. Отобранных пленных направляли в лагеря уже в Германии и генерал-губернаторстве, где вербовщики активно продолжали с ними работу, готовя кадры для засылки в наш тыл или для строевых подразделений Вермахта и СС.

Политрук Григорьев с батальоном «истребителей» и еще одним штрафным батальоном оставался в Заславле занимать оборону в оставшихся после июньских боев укреплениях Минского УРа и на старой госгранице (зоне заграждения) для прикрытия Минска с северо-запада. По мере фильтрации бывших военнопленных в Минске и комплектации подразделений в его распоряжение должны были поступать дополнительные силы. Задача, стоявшая перед политруком, была очень сложная. Необходимо было имеющимися в его распоряжении силами прикрыть линию фронта длиной около 50 км. Вначале думалось, что нашу участь облегчат ДОТы, но на рекогносцировке выяснилось, что их трудно, а иногда и совсем невозможно использовать по прямому назначению. Оружие и приборы наблюдения отсутствовали, связь, свет, вентиляция не действовали. Сильный мороз и глубокий снег мешали оборудованию позиций.

Мой же отряд, состоящий из бойцов «старой гвардии», батальона «истребителей», танкового батальона и артиллерийского дивизиона, группы авиаспециалистов и сводной роты пограничников на автомашинах, бронетранспортерах и трофейных танках, направлялся по автодороге Минск – Гродно. Нам предстояло, громя немецкие комендатуры и полицейские участки, пройти 164 км по территории, занятой противником, и ворваться в Лиду. Основная наша цель – аэродром Лида, находился с юго-восточной стороны, а железнодорожный узел и депо – в западной части городка. Среди «летунов» нашлось несколько человек, ранее там бывавших, они-то и помогли в определении путей подхода к аэродрому и остальным целям.

Глава 4

К своей цели мы двинулись с рассветом, через несколько часов после выхода отряда Сергея. На первом этапе нам требовалось разгромить гарнизоны вспомогательной полиции городов Ракова, Ивенца, Воложина и ближайших

деревень к трассе Минск – Гродно. Для выполнения этой миссии, после захвата Ракова, отряд пришлось разделить на две части: одна во главе со мной шла на Воложин, вторая – на Ивенец. У второго отряда была еще одна задача. После совместного с партизанами разгрома полицаев в Ивенце они должны были оставить там сильную группу бойцов в качестве гарнизона города и для организации мобилизации местного населения, прикрытия наших действий со стороны Столбцов и Дзержинска.

Обойти Воложин по дороге на Лиду никак нельзя. Поэтому и пришлось озаботиться разгромом его гарнизона. Он состоял примерно из 300 польско-белорусских полицаев во главе с группой немецких офицеров, немецкой комендатуры и отделения гестапо. В свете минских событий немецким командованием гарнизон Воложина был усилен пехотной ротой и группой полицаев из гарнизона с. Вишнево. У них на вооружении было стрелковое оружие, трофейные ДП и «Максимы», несколько противотанковых орудий. Сказать, что город не готовился к обороне, сложно. Противником в каменных домах были подготовлены ДОТы, часть улиц была перекрыта колючей проволокой и снежными валами с подготовленными огневыми точками. Немцы выставили усиленные пулеметными расчетами полицейские посты во главе с немецкими солдатами на въездах в город, у гетто, казарм и комендатуры. У казарм под охраной часовых располагались автомобильные и оружейные парки, конюшни. Но сильный мороз сыграл с противником злую шутку – загнал его солдат в теплые помещения, так как даже в светлое время суток желающих мерзнуть на улице было мало.

В город мы вошли со стороны Молодечно по трассе Минск – Вильно. Снять закутанные в сторожевые тулупы посты на въезде в город, у баррикады на улице Пушкина и у мостов через реку Воложинку не составило труда. Дальнейшее было делом техники и опыта моих парней. Врагу противостоять танкам, крупнокалиберным пулеметам и хорошо подготовленной штурмовой пехоте было нелегко. Тем не менее он пытался это сделать, особенно когда понял, что ничего, кроме смерти, ему не предложат. Тяжелый бой завязался за комендатуру, отделение гестапо и казарму, где оборону держали немцы. Мои бойцы накачку получили заранее, еще в Минске посетив еврейское гетто и лагеря для военнопленных, так что особенно не церемонились. Через несколько часов все закончилось и над зданием, где размещалась комендатура, взвился красный флаг. Из еврейского гетто было освобождено около 3500 жителей города и близлежащих сел. Больше 200 человек из них попросилось в мой отряд. Я был этому только рад. Из них была сформирована гарнизонная рота во главе с одним из моих раненых сержантов.

Пришлось выделять силы и для удара по Вишнево. Оставлять сильный гарнизон противника у себя в тылу ой как не хотелось, а делить отряд еще на несколько частей – тем более. Тем не менее вынужден был это сделать. Особо напрягаться не пришлось. На свою беду, немцы, получив сигнал о нападении на Воложин, выдвинулись сюда на помощь. В районе Севятевичи их автоколонна попалась «на зубок» моим танкистам и мотострелкам. Итог был очевидным...

Дальнейшее продвижение по Налибокской пуще нам обеспечивали партизаны. Лиду взяли утром следующего дня. Не помешали нам это сделать ни передовой заслон из 100 полицаев и 30 немецких жандармов, выставленных на трассе в районе деревни Филоновцы, ни сеть ДЗОТов и ДОТов, развернутых на подступах и внутри города, ни большой гарнизон, ни восемь зенитных батарей в самом городе и еще три в деревнях поблизости, ни почти сотня боевых самолетов, стоявших на аэродроме, ни члены их экипажей, ни подразделения охраны и обслуживания аэродрома. Проблема немцев была в том, что они строили оборону города в первую очередь против партизан и не допускали появления рядом с ними крупных регулярных войск противника. Именно поэтому на постах вокруг города стояли лишь полицаи, а часть оборонительных сооружений вообще не была занята гарнизоном.

Мы действовали по той же схеме, что и в июльском рейде. Впереди широким фронтом шла разведка, искавшая и решавшая вопросы с полицаями и немецкими представителями оккупационных властей. Следом шел усиленный танковой ротой авангард, при необходимости усиливающий разведку, ну а потом всей толпой остальные. Замыкал колонну арьергард, собиравший отставшие и требовавшие ремонта машины. По ходу дела к нам присоединилось несколько партизанских отрядов и диверсионных групп НКВД. Немецкая авиация нас не трогала. Да и не видели мы ее, видно, всех «ночников» к Барановичам и Минску отправили.

Удар по городу наносился в стиле кавалерийского наскока. Стремительно, с ходу. На нашей стороне были внезапность, быстрота и слаженность действий, подготовка немцев к встрече Нового года, как-никак было 30 декабря 1941 года на дворе. За час до общей атаки егеря и снайпера бесшумно зачистили охрану аэродрома и блокировали казармы гарнизона Южного городка. Танковая рота в сопровождении мотопехоты, вырезав посты, ворвалась в город с юга и заняла железнодорожный вокзал и железнодорожный узел. А потом артиллерия, расположившаяся на господствовавшей высотке на подступах к Лиде, по заявке командиров штурмовых групп накрыла расположение врага. Активно

действовали и приданные штурмовым группам танкисты, штурмовые орудия, самоходные минометы и расчеты крупнокалиберных пулеметов, установленных на бронемашины. Не скажу, что город нам дался легко, скорее наоборот. Мы потеряли больше 300 человек убитыми и ранеными, в основном из последнего пополнения. Для нас это было много, даже очень. Немцы и их приспешники дрались ожесточенно, но не зря говорят, что сила соломѹ ломит. В обед бой в городе затих. Нам достался город, его склады, железнодорожные составы и куча немецких пленных, в том числе и целый госпиталь.

Самому мне поучаствовать в схватке не дали. Мои «ангелы-хранители» с сержантскими треугольниками в пограничных петлицах, со строгими лицами стерегущие мою «бесценную тушу», не дали мне лично поучаствовать в «веселье». Так и пришлось смотреть в бинокль на все со стороны, расположившись на высотке, откуда хорошо просматривались окрестности города, в том числе и аэродром. Хорошо хоть радиосвязь с подразделениями действовала почти безупречно.

Не скажу, что местное польское и белорусское население нас встречало радушно. Пока продвигался по городу, то и дело ловил неприязненные взгляды местных. Оно и понятно – Западная Белоруссия. Интересно, польские войска они встречали бы так же? У них вообще-то тут вся местная власть при немцах была из представителей польской нации, а по лесам в округе действовали отряды и группы «аковцев».

Из 155-го дулага, расположенного в Северном городке, нами было освобождено около 3 тысяч человек. Примерно столько же было и в гетто. Комендант дулага майор фон Тройенфельс и его адъютант обер-лейтенант Клатт оказались достаточно адекватными людьми. Сначала пытались организовать сопротивление, но поняв, что дело пахнет керосином, с остатками своего батальона попытались прорваться в сторону Вильно. Не повезло! Нарвались на наш усиленный танками заслон и попали в плен. Комендант и его помощники так спешили покинуть расположение лагеря, что совершенно забыли уничтожить картотеки (может, у них команда такая – сохранять их и передавать нам в целости? Ведь не первый случай уже!), так что с проверкой военнопленных проблем не было. Немцами они были разбиты на рабочие команды по 250 человек и привлекались для работ на аэродроме, складе снабжения и железнодорожной станции. Около 70 человек из числа пленных украинцев находились на положении расконвоированных. Они жили на квартирах в домах местных жителей, расположенных рядом с железнодорожной

станцией, и были привлечены немецкой администрацией в качестве кочегаров в состав паровозных бригад и железнодорожных рабочих на станции.

Первыми под раздачу «фильтра» попала лагерная «аристократия» из числа пленных: лагерные переводчики (большинство из них – немцы Поволжья или жители Западной Украины, хорошо знавшие немецкий язык), лагерный комендант из числа пленных и его помощники, начальник лагерной полиции и два десятка его полицейских, коменданты барачных, «агентура», перебежчики и «помощники» из числа уголовников. Ну, а затем все остальные. Мы не церемонились, тем более что Цанава и его парни были далеко. Карать было за что. Пленные содержались в скотских условиях. В бараках продохнуть было нельзя, вонь и антисанитария жуткая. Кормежка дрянь. Как пленные ухитрялись выживать и работать, трудно было понять.

Перебежчики жили лучше остальных – в отдельном бараке, им выдавали по 600 г хлеба в сутки. По ведомостям на выдачу пайков удалось выявить агентуру, не числящуюся в картотеках, или завербованных для службы во вспомогательных частях Вермахта. Среди них оказалось много выходцев из Средней Азии и с Кавказа, распропагандированных немецкими пропагандистами и эмиссарами Абвера. В бараках были найдены экземпляры газет «Заря», «Новое слово», «Доброволец», «Руль», «Газават» – изданные специально для представителей кавказских народов, исповедующих ислам, различные брошюры антисоветского и антисемитского содержания. И ведь никто их не использовал для подтирки – берегли! Так что работы для комендачей и погранцов было много.

Те, кто прошел «фильтр», представляли собой жалкое зрелище. Хуже были только в Минске. Смена одежды, белья не производилась, поэтому большинство пленных донашивали то, в чем попали в плен. Они ходили в почерневшем от грязи и полуистлевшем на них белье, на ногах рваная обувь, а некоторые босиком. И это при морозе под минус сорок! Часть военнопленных напоминали уродливые шарообразные фигуры. Эти военнопленные, у которых не было шинелей, чтобы не мерзнуть, обматывали себя соломой, засовывая ее под гимнастерку и брюки. Другие делали иначе: обматывали себя соломой поверх надетых на них лохмотьев и обвязывались шпагатом или проволокой. Военнопленные не мылись месяцами. Среди них было много больных и раненых. Немного лучше выглядели находившиеся в гетто. Хотя и среди них хватало больных. Пришлось мобилизовывать все местные бани и отмывать горемык. В итоге в строй мы смогли поставить только небольшое количество

освобожденных из плена и гетто, сформировав из них два стрелковых батальона. Остальных свели в команду выздоравливающих. Одежду (в том числе советскую военную) и лекарства для них нашли в вагонах и на складах железнодорожной станции. С оружием тоже проблем не было. Все нашлось, и в немалых количествах.

Трофеи нам достались богатые. Только на железнодорожной станции захватили больше ста вагонов с грузом боеприпасов и продовольствия для ГА «Центр». На площадке рядом с вокзалом стояли 20 занесенных снегом новеньких КВ-2 и еще четыре десятка советских танков разного типа, в том числе и 20 Т-34. Все танки были в рабочем состоянии, нужно было только заправить горючим, провести квалифицированное обслуживание и небольшой ремонт. В часть КВ был даже загружен боекомплект. Для остальных боевых машин боекомплект нашелся в складах. Историю этих танков рассказал один из железнодорожников.

Вечером 21 июня на станцию Лида из Полоцка эшелонами прибыли два стрелковых и артиллерийский полки 17-й стрелковой дивизии, эшелон с танками из Ленинграда. «На станции стояли эшелоны с танками КВ и Т-34, эшелоны сопровождал технический персонал. Все танки были заправлены горючим, но отсутствовал личный состав, который мог управлять этой техникой. 22 июня по приказу комдива 17-й стрелковой дивизии генерал-майора Богданова среди красноармейцев нашли бывших трактористов. Их посадили в танки и поручили сгонять их с платформ. Несколько перевернули и оставили на путях. Спущенные танки отгоняли в указанные места, закапывали в землю и пользовали как орудия». Немцы, выбив наших из города, собрали захваченную технику на площадке у вокзала, а потом откуда-то еще пригнали советские танки для ремонта. В августе с десятков Т-34 и штук 20 Т-26 и БТ немцы отправили эшелоном на Полоцк. Остальные танки оставили стоять на станции, также готовя их к отправке.

С учетом того, что нам пришлось строить оборону сразу по трем направлениям, наличие танков было ой как важно. Часть можно было использовать по прямому назначению, остальные – в качестве БОТов и огневых точек поездов. Экипажи для них нашли среди бывших пленных местного дулага, кроме того, позже доставили самолетами из Минска.

Аэродром нас тоже порадовал своими трофеями. Более сотни самолетов различного назначения из подразделений 2-го и 8-го авиакорпусов 2-го Воздушного флота Германии достались нам в целости и сохранности. В основном

тут, как и в Минске, были бомбардировщики Do-17Z, He-111H и Ю-88А, транспортники Ю-52, штурмовики Ю-87 и Hs-123, истребители Me-109, разведчики «Хеншель Hs126», учебные и связные машины. Нашлись и наши трофейные машины (куда без них) – Р-З, МиГ-3, Пе-2, И-16 и И-153. Не зря я с собой «летунов» тащил. На каждого штук по пять машин пришлось.

Значительная часть что наших, что немецких самолетов требовала ремонта. В качестве бонуса нам достались запасные части к авиадвигателям, оборудование из мастерских по ремонту авиамооторов, устроенных на бывшей обувной фабрике «Ардадь». Часть бортов сразу же пустили в дело – нанесли бомбовые удары по мостам через Неман, железнодорожным станциям в направлении Вильно, Гродно и Барановичей. Сам авиаузел меня порадовал подготовленными площадками аэродромов: Лида (Южный городок), Чеховцы (6 км к северу от Лиды), Конюхи (25 км севернее Лиды, около Погородно), Ясковцы (5 км восточнее Лиды, в 2 км восточнее Южного городка). До войны здесь дислоцировались 122-й истребительный авиаполк 11-й смешанной авиадивизии, командный пункт авиадивизии, авиасклад № 899, 213-е стационарные авиамастерские, штаб 38-й авиабазы, 165-й БАО и его подразделение обслуживания, 152-я аэродромно-техническая рота. Аэродром Лида был с твердым покрытием и оснащен всем необходимым для посадок самолетов всех систем и типов в дневных и ночных условиях. Имелись подземные хранилища бензина, капитальные ангары и склады.

После обеда, коптя дымом небо, настороженно водя орудиями своих танков и зенитных установок, на железнодорожную станцию Лида прибыл дивизион поездов Сафонова. Старлей доложил, что железнодорожная линия до Молодечно очищена от врага. Железнодорожный путь на Минск полностью свободен, все станции и разъезды контролируются нашими десантными партиями. Это было очень кстати, требовалось срочно, «еще вчера», эвакуировать захваченные трофеи и раненых. Я не надеялся с теми силами, чем располагал, длительное время удерживать городок. Отсиживаться в обороне и ждать у моря погоды тоже не собирался, как и бросать с таким трудом захваченные трофеи. Конечно, весь бомбовый склад вывести было нереально, но и оставлять его врагу было глупо. История за нас все решила сама...

До определенного момента немецкое командование не располагало точными сведениями о силах, какими мы оперировали. Поэтому наши действия оно рассматривало как удачный партизанский рейд, которые тут периодически случались. Свободных резервов у немцев на этом направлении не было. Они срочно требовались на трещащем под ударами советских войск фронте под Старой Руссой, Ржевом, Ельней и Смоленском. Против нас Вермахт мог

направить только охранные и полицейские части, ближайшие к нам гарнизоны которых располагались в Вильно, Гродно, Новогрудке и Барановичах. С учетом боев за Барановичи местный гарнизон немцы трогать не стали. Не тронули они и гарнизон Новогрудка. Утром 31 декабря против нас были брошены усиленные артиллерией два (1-й и 6-й) недавно сформированных вспомогательных литовских полицейских батальона «Шума» гарнизона Вильно, численностью по 500-600 человек при немецкой группе связи из офицера и пяти старших унтер-офицеров Вермахта. Вот только не учитывало командование 403-й охранной дивизии наличие у нас боеготовых сил авиации. Выдвижение колонн автотехники и продвижение нескольких железнодорожных эшелонов из Вильно авиаразведка установила своевременно. Ну а дальше было дело техники. На полпути к Лиде у железнодорожной станции Бенякони полицаев для начала обработали наша бомбардировочная авиация и штурмовики. Затем подошедшая танковая рота с артпоездом Сафонова и десантной партией. Надо отдать должное врагу. Несмотря на понесенные потери, литовцы сохранили боеспособность. Они развернули часть своей артиллерии и пулеметных расчетов и их огнем попытались остановить танки и нашу пехоту. Даже преуспели в этом, подбив две машины. Но тут вновь вмешалась авиация. Пятерка Ю-87, не встречая зенитного огня, отлично отработала по хорошо видимым на снегу артпозициям, пулеметным точкам, автомашинам, скоплению людей и железнодорожному составу. Не выдержав комбинированного удара, преследуемые танками и ударами штурмовиков с воздуха, бросая раненых, оружие и технику, литовцы отступили к Вильно. Деваться им было больше некуда, дорога у них была одна, закрепиться на станции и в поселке не получилось, а уйти по снегу в леса ой как трудно. Полному разгрому врага помешало только наступление ранних зимних сумерек.

Разгоряченный победой народ рвался брать Вильно. Пришлось его успокаивать и останавливать. Не с нашими силами штурмовать хорошо укрепленный город с крупным и сильным гарнизоном, с откровенно не любящим нас населением. И так хорошо повеселились! Да и потери в личном составе были немалые. Собрав трофеи и подобрав раненых, мы отступили к Лиде.

Я очень опасался удара со стороны Гродно и Новогрудка. По имеющимся сведениям, немецкий гарнизон в Гродно состоял из батальона полевой жандармерии, нескольких охранных батальонов, подразделений Люфтваффе и Абвера. Хватало там и сил вспомогательной полиции. Гарнизон Новогрудка тоже не был слабым – около тысячи человек из числа подразделений полевой жандармерии, 727-го пехотного полка 403-й охранной дивизии, Абвера и СД, батальона вспомогательной полиции. Во главе гебитскомиссариата стоял

активный и опытный хауптштурмфюрер СС Вильгельм Трауб. Гарнизон Новогрудка довольно быстро мог получить подкрепление из Барановичей.

На наше счастье, в первые дни после взятия Лиды атаки со стороны Гродно и Новогрудка не последовало. По сообщению разведки и подпольщиков, немецкие гарнизоны, получив сообщение о захвате Лиды, усиленно готовились к обороне. Готовились к ней и мы, делая завалы на дорогах, минируя все, что можно, и очищая склады от захваченных запасов.

Глава 5

Немецкая авиация трижды наносила удары по Южному городку. Хорошо, что мы вовремя большую часть боеготовых машин успели перегнать на другие аэродромы и в Минск, а то немцы нам всю полосу перепахали и десяток неисправных самолетов сожгли. Рыскали в воздухе, изучая обстановку, и их разведчики. Мы старались отгонять «птенцов Геринга» зенитным огнем и истребителями, но они упорно лезли к нам. Вообще это был полный «сюр». Немецкие бомбардировщики гоняли истребителей с немецкими опознавательными знаками. Путались не только немцы, но и наши зенитчики, сбившие несколько наших бортов и пропустившие тройку бомберов со стороны Барановичей на город и станцию. Центр города был разрушен еще в июне, так что основной свой груз «люфты» сбросили на станцию. Пострадало много работавших там людей. Так что новый, 1942 год мы встречали в делах и заботах, только под утро удалось пропустить рюмку французского коньяка из запасов Люфтваффе в честь праздника.

Всю первую половину января пришлось решать постоянно возникающие задачи и проблемы. Какие? Разные. В первую очередь связанные с обороной и закреплением отбитой у врага территории.

Я уже говорил, что не хотел надолго задерживаться в Лиде. Смущал меня большой отрыв от основных сил группировки – 160 км. А это вам не это! Кроме того, у моего отряда фактически не было флангов. Только небольшие группы бойцов и партизан, оставленные для прикрытия дороги на Минск. Планируя операцию, думал после разгрома гарнизона города, захвата и уничтожения аэродрома сразу отступить к укреплениям «старой границы», где и занять

оборону, но не судьба. Сначала мои планы проиграли трофеям. Я не мог их оставить врагу, а уничтожать было жалко.

Зашел к Константинову, которому доложил о выполнении поставленной задачи. Разговор с ним был, как никогда, тяжел. Он ознакомил меня с положением дел группы войск. Они были далеко не так блестящи, как казалось со стороны. Положение группировки с каждым днем становилось хуже. Москва подкреплений в виде боевых соединений не присылала, что было и ежу понятно. Для переброски только одного стрелкового батальона без тяжелого вооружения требовалось не менее 45 транспортных самолетов типа Ю-52. Лишних транспортных бортов нашему командованию взять было неоткуда. Большинство транспортных самолетов ВВС были задействованы на поддержке остатков войск, находящихся в окружении в районе Вязьмы и Смоленска. Нас же поддерживал только транспортный отряд Паршина и часть МОАГ, а это капля в море. Сформированные из бывших пленнх части на линии соприкосновения с врагом несли потери не только от врага, но и дезертирства. Все госпитали были «под завязку» забиты больными и ранеными. Не хватало продовольствия, боеприпасов, зимней одежды и медикаментов. Мы-то в Лиде, сидя на трофейных складах, этого не замечали, а в Минске все было очень сложно. Продовольствие, захваченное на складах в Минске, быстро сокращалось. Нужно было кормить не только военных, но и гражданское население. Возникли большие проблемы с обеспечением населения и частей топливом для обогрева домов. Пришлось часть прошедших «фильтр» отправлять на лесо- и торфозаготовки. Туда же отправили и пленнх немцев. Город и его окрестности постоянно подвергались налетам авиации врага. Обе авиагруппы Особого назначения не справлялись с потоком эвакуируемых. Положение на фронте было тяжелым. Если на северном и северо-западном участках, где действовали мы, оно было более или менее нормальным, то на остальных участках обстановка была очень сложной. Прорваться к Логойску, Жодино и Осиповичам не удалось. Немецкое командование, маневрируя резервами, сдерживало наше продвижение. Тяжелые бои шли под Столбцами и Несвижем. Ставка же требовала расширения освобожденной территории. На бумаге группировка выглядела сильной, имевшей на вооружении авиацию, танки и артиллерию. На самом деле в строю было не более 32 тыс. человек военнослужащих и около 5 тыс. партизан, тонкой линией растянутых по линии фронта. Главной ударной силой были части, переброшенные из-за линии фронта. Основными проблемами в срыве нашего наступления Константинов считал слабую «сбитость» подразделений, отсутствие надлежащей разведки, «партизанщину», отсутствие необходимого боевого опыта у комсостава, освобожденного из плена (500 командиров скрывалось среди пленнх красноармейцев в лагере на Масюковщине, еще около полутора тысяч

находилось в «Zweiglager» на Переспе) и в штабах группировки. Тем не менее Михаил Петрович не унывал, говоря, что не все так плохо и есть время все поправить. Нам пока противостояли только тыловые, охранные и вспомогательные части Вермахта и полиции. Из-за этого группировке удастся бить врага. В конце того разговора мы с ним обсудили дальнейшие планы действий моего отряда. Выслушав мое предложение об оставлении нами Лиды и отходе на линию «старой границы», генерал в этом отказал, сославшись на необходимость как можно дольше держать линию фронта дальше от Минска. Нужно было выиграть время для формирования новых подразделений и проведения мобилизации местного населения. Нам была поставлена задача – продолжать активные действия на всех направлениях, особенно на Барановичском и Слонимском. Требовалось провести разведку в направлении Гродно и Вильно, изучить возможность нанесения туда удара для освобождения пленных в местных лагерях. При этом подкреплений нам не обещали. Мы своей активностью просто обязаны были уверить немецкое командование, что основной удар группой войск будет наноситься из нашего района на север в тыл ГА «Север». Моего начштаба он так и не вернул, сказав, чтобы выкручивался сам – «не маленький, а он здесь нужен», Алексеева припахали в оперативный отдел штаба группировки...

Через сутки после встречи Нового года Акимов из Молодечно прислал мне около тысячи человек, сведенных в два штрафных батальона. Безоружных, ослабленных пребыванием в лагере и практически раздетых. И еще парочку таких эшелонов обещал. У меня своих прошедших «фильтр» было почти столько же. Хорошо хоть трофеи имелись. Пришлось преобразовывать «истребительный» батальон в полк четырехбатальонного состава. Комсостав для него брать из «старой гвардии» и из освобожденных из плена командиров. Часть «профильтрованных» выделили в подразделения тяжелого вооружения и для экипажей бронепоездов. Наиболее ослабленные были направлены для гарнизонной службы в Ивье, в села, расположенные вдоль автотрассы на Минск, и на железнодорожной станции по пути на Молодечно. Было у меня ощущение, что они нам еще там понадобятся. Не могли немцы не воспользоваться шансом и не попытаться перерезать нам пути отхода. Да и бойцам надо было прийти в себя. Кстати, это дало неожиданный результат – бойцы с помощью местных жителей нашли несколько десятков танков, автомашин и орудий, брошенных нашими войсками в ходе отступления и не найденных немцами, и их срочно потребовалось приводить в порядок.

С техникой вообще проблем было много. Я уже говорил про трофеи, их было очень много. Если с авиацией проблема решалась переброской исправных

самолетов в Минск и дальше за линию фронта, то с наземной техникой такой фокус не прокатывал. Требовалось ввести в строй и модернизировать трофейные и найденные танки. Танки, что не смогли поставить в строй, пустили на бронепоезда или использовали в качестве БОТов в обороне города и аэродромов. Из остальных сформировали несколько танковых рот и тяжелую танковую роту на KV. С модификацией особо ничего сделать не получилось. В основном навесили экраны, у легких танков наварили лобовую броню. На пару Т-34 и KV с разбитых немцев установили командирские башенки, поменяли радиостанции и оптику. Вот и все...

Срочно требовалось решить вопрос с боеприпасами для KV. 152-мм снарядов для гаубицы М-10Т было всего несколько сотен штук, а нам их требовалось много, чтобы укомплектовать все машины, да и резерв требовался. Проблему решили авиаторы. Они перебросили с аэродромов в Брянске нужное количество снарядов.

Были проблемы в «сбитии» подразделений, начиная с экипажей и кончая батальонами и полками, снабжении их всем необходимым; в проведении мобилизации местного населения и «зятьков», оставшихся здесь после летних боев; эвакуации раненых и больных и т. д. и т. п. А еще были бесконечные проблемы местного населения, от которых голова к концу дня раскалывалась.

Я уже не говорю о проблеме с пленными. Слишком много их собралось. У меня только в Лиде их было больше 600 человек, в том числе и женщин (Luftnachrichtenhelferinnen), что служили в подразделении связи на аэродроме, а также работали в борделе. Если с военнослужащими все было более или менее понятно, то с женщинами возник вопрос. Они вообще-то не были военными, хоть и носили установленную для них форму, но оружия не имели и по нам не стреляли. Для меня они были обузой, так как приходилось выделять охрану и помещения под размещение; медикаменты для лечения раненых; гонять народ, чтобы не устроили над женщинами насилие, и т. п. Единственное, что я мог сделать, так это отправить пленных, в том числе и женщин, в Минск под крыло Цанавы, под началом которого были лагерь и лазарет для немецких военнопленных в Пушкинских казармах. Мы с ним связались по телеграфу, и он согласился с моим предложением. Чем снял с меня большую тяжесть.

Кроме всего прочего, с меня никто не снимал руководства остальными подразделениями бригады, раскиданными на огромной территории. С Серегой и Григорьевым мы поддерживали связь по телефону и телеграфу, и я был в курсе

их дел.

Акимову пришлось отражать удары со стороны Сморгони и Вилейки. Против него действовали немцы и латыши из гарнизонов Сморгони, Вильно, Вилейки и Докшиц. Бои шли с переменным успехом, его ротам и штрафным батальонам удавалось не только удерживать захваченные позиции, но и потихоньку продвигаться в сторону Сморгони. Пополнение к нему из дулага шло постоянно. Он мне, как и обещал, еще два батальона, сформированных из бывших военнопленных, прислал. В ответку я отправил часть трофеев, захваченных на станции в Лиде: оружие, танки и часть автомашин.

У Григорьева тоже все было в норме. Получив подкрепления из Минска и Молодечно, его боевая группа готовилась к боям. Батальоны занимали позиции на участке от Ивенца до Радошковичей. Боев с врагом у него не было, но с личным составом хватало проблем. Пополнение, прибывшее из лагерей, физически было слишком ослаблено. Практически ежедневно в санчасть приходилось отправлять по несколько десятков человек. Не обошлось и без умерших от болезней. В лучшем положении по сравнению с бывшими военнопленными были «зятьки» – окруженцы, прибывшие по мобилизации из окрестных сел. Именно на них политрук и делал ставку, направляя их на наиболее опасные места.

Вот с чем у меня не было проблем, так это со связью. Прикомандированные к бригаде спецы из наркомата связи во главе с пожилым старлеем сделали все, чтобы хоть в этом облегчить мне жизнь. Чаще всего связь была и с подразделениями бригады, и с городами, и с Минском, и даже с Москвой. Связисты использовали все, что только можно: железнодорожную связь (телефон, телеграф), линии связи, что были проложены до войны (военные и гражданские – интересно, где они только схемы прокладки нашли?), трофейные и наши радиостанции. Строго следили за соблюдением правил переговоров всеми абонентами сети. А уж как они виртуозно курочили неисправные самолеты в поисках запчастей к радиостанциям, можно только позавидовать. И людей для своей службы подбирали из бывших пленных профессионально. Сами проводили проверку кандидатов на техническую грамотность и забирали себе только лучших. Парни так смогли поставить процесс, что на них никто не обижался. Главное, что связь была.

Почти неделю после Нового года немцы нас практически не трогали. Слишком холодно было для активного ведения боевых действий. Морозы стояли под

минус пятьдесят. Ограничивались поисками разведгрупп. Несколько таких групп мы смогли уничтожить и взять пленных. Одна сама перешла к нам. Обычно такие группы состояли из нескольких десятков человек – членов вспомогательной полиции (поляков, белорусов и украинцев) и местных жителей во главе с несколькими немцами. Они искали слабые места в обороне, вели разведку наших объектов. От пленных мы получили сведения, что немцы концентрируют силы вспомогательной полиции в районе населенных пунктов Белица, Селец, Березовка, Тростянка, куда перебрасывают подразделения полиции из-под Бреста и Люблина. Общая численность на этом направлении оценивалась в 2–3 тысячи человек. Примерно то же самое было на гродненском и вильнюсском направлениях. Туда прибыли батальоны «Шума», укомплектованные литовцами (3 батальона из Каунаса) и латышами (4 батальона). Чисто немецкие подразделения прибывали в Вильно, Гродно, Новогрудок и Барановичи. В основном это были различные резервные и охранные части Вермахта, подразделения жандармерии и части СС, прибывающие из генерал-губернаторства и Германии. В том числе Добровольческий легион СС «Нидерланды», прибывший с полигона «Арус-Норд» в Восточной Пруссии, укомплектованный голландскими и фламандскими добровольцами. Легион усилил гарнизон Вильно. Общая численность полка оценивалась в 2500–3000 человек. Еще одной прибывшей из Польши частью СС был зондер-батальон СС «Дирлеванген». Он расположился на железнодорожной станции Новоеल्या.

Ждать у моря погоды мы не стали. Как только морозы слегка ослабли, нанесли бомбовые и штурмовые авиаудары по местам скопления врага, а затем вновь ударили танковым батальоном, артпоездами и штурмовой пехотой. Бои были тяжелыми, полицаи везде сопротивлялись ожесточенно. Мы потеряли более двухсот человек только убитыми, десять танков пришлось отправлять в ремонт, один из поездов был сильно поврежден. И это при том, что у полицаев на вооружении были только трофейные «сорокапятки» и минометы. Разгромить полностью полицейские батальоны в Белице, Сельце, Березовке не получилось. Понеся значительные потери, они довольно организованно отступили. Преследовать я их запретил, нам бы то, что взяли, удержать. Не было у нас сил, чтобы завершить начатое. В итоге мы смогли существенно охладить пыл полицаев, но не их хозяев. Над Лидой и занятыми поселками все чаще стала появляться их авиация, а на бойцов сыпаться бомбы.

Для моих штабных удивительным было то, что немцы не помогли своим помощникам, не перебросили подкреплений, не поддержали артиллерией и авиацией. Лично для меня все было понятно. Зачем проливать «арийскую

кровь», если есть куча «дурней полицаев», которые выполняют всю грязную работу. Чужими руками легче жар разгребать, да и «пушечное мясо» никто не отменял. Вот и гнало его вперед немецкое командование, сохраняя свои кадровые части для последующего удара и зачистки, одновременно с этим решая проблему ослабления наших войск.

Говоря о победах, нельзя не признать и неудачи. Самой крупной из них стали события в Лещенке Новогрудского района. Там у нас держал оборону и прикрывал дороги на Ивье и Воложин недавно сформированный сводный стрелковый батальон в составе противотанковой батареи, пулеметной роты «истребителей» и трех стрелковых рот, укомплектованных бывшими военнопленными, прибывших из дулага в Молодечно. Командовал батальоном присланный из Минска майор Харин, тоже бывший военнопленный, попавший в плен в октябре под Вязьмой. В качестве его заместителя и начальника штаба выступал командир пулеметной роты. Замполит батальона, командиры и политруки в стрелковых ротах были из числа вкусивших «пленного рая». Мне казалось, что вместе они вполне адекватные и грамотные командиры, способные выполнить поставленную задачу – не допустить прорыва к трассе. Напротив них в селах Налибоки, Кривоногово, Тростянка, Вселюб, Бенин располагался сформированный еще летом под Брестом батальон вспомогательной полиции, укомплектованный украинцами. Командовал батальоном пожилой лейтенант Вермахта. Все остальные командные должности занимали тоже немцы. Противник не имел тяжелого вооружения и средств усиления, кроме десятка пулеметов ДП. Из-за этого активных действий полицаи не предпринимали, несли гарнизонную службу, пили самогон и развлекались как могли.

Все изменилось, когда из батальона Харина к противнику дезертировала группа бывших военнопленных. Все они были с одного взвода. Ушли с оружием, перебив командный состав, вырезав дежурные пулеметные расчеты и передовой «секрет». Переходу способствовали ночь, метель и пьянство комсостава. Ушли не просто так, а предварительно изучив систему обороны села. Пропажу в роте обнаружили только во второй половине ночи, поиски дезертиров из-за плохой погоды оставили до утра. Продолжившиеся с утра поиски ни к чему не привели. Метель замела все следы. Дальше все было как по учебнику. Получив информацию о системе нашей обороны, расположении постов и подразделений, немцы несколько дней не предпринимали никаких действий. Харин и его люди поуспокоились, сняли усиление, правда, пить перестали. Через пять дней немцы подняли полицаев и под утро, обойдя и вырезав наше охранение, ворвались в село. Захватили батальон, что называется, со снятыми штанами. Соппротивление оказали только в школе, где располагались «истребители», артиллеристы и

командный состав батальона. Часовой у орудий, услышав крики на соседней улице и заметив перебегающих от дома к дому людей в черных шинелях, поднял шум, а установленный на крыше школы «Максим» дал время бойцам занять позиции у окон. Бой шел больше часа. Полицаям так и не удалось захватить поселок полностью. На помощь обороняющимся подошли танкисты (на Т-26 и БА-6) из сформированной в Ивье танковой роты с конным эскадроном. Совместными усилиями они смогли выбить врага из поселка и заставить его отступить на исходные позиции. Три наших танка навечно застыли в селе. В итоге батальон потерял убитыми, ранеными и пленными больше четырехсот человек. Пришлось принимать срочные меры: командиров разжаловать в рядовые, а батальон пополнять людьми. Ну и планировать операцию по разгрому полицаяев как дополнение к Новогрудской операции. Только вот проводить их мне не пришлось.

* * *

(РИ) Уже с 4 января в дневнике Ф. Гальдера идут записи об обострении положения ГА «Центр», в записи от 13 января говорится: «Наиболее тяжелый день!.. Положение группы армий стало еще более серьезным... «Штопка дыр!» Ожидать успеха не следует».

(РИ) Приказом от 9 января 1942 г. первого квартирмейстера Генерального штаба Вермахта генерал-лейтенанта Ф. Паулюса верховное руководство немецкими вооруженными силами уполномочило командование групп армий формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части (сотни) из числа военнопленных и жителей оккупированных областей, враждебно относящихся к советской власти.

(РИ) 15 января А. Гитлер дал разрешение на отвод войск. В директиве говорилось: «После того как не удалось закрыть разрывы, возникшие севернее Медыни и западнее Ржева, я отдал главнокомандующему группы армий «Центр» в силу его ходатайства приказ: фронт 4-й армии, 4-й танковой армии и 3-й танковой армии отвести к линии восточнее Юхнова – восточнее Гжатска – восточнее Зубцова – севернее Ржева. Руководящим является требование, чтобы дороги Юхнов – Гжатск – Зубцов – Ржев оставались свободны в качестве поперечной связи сзади фронта наших войск... Линию нужно удерживать...» Гитлер признавал: «В первый раз в эту войну мною отдается приказ о том, чтобы отвести большой участок фронта».

Глава 6

Из рукописных показаний начальника полиции лагеря для военнопленных «Молодечно» Петра Красноперкина (РИ):

1 июля 1941 года в лагере было уже несколько тысяч военнопленных и примерно столько же гражданского населения, заключенного тоже в лагере.

Гражданское население было обоих полов и самых разнообразных возрастов. Были и глубокие старики, и совсем юные (14-15-летние подростки).

Военнопленные находились отдельно от гражданских пленных. В конце июля гражданских пленных не стало, их строили колоннами по 200-300 человек, переписывали и отправляли из лагеря. Военнопленные прибывали почти ежедневно, и к концу июля были переполнены все бараки-конюшни на территории лагеря. Спали на полу, на чердаках, устраивали подвесные «койки». Ночью, чтобы выйти в уборную, надо было идти прямо по человеческим телам, лежащим сплошно. Число военнопленных доходило до 30 000 человек.

Иногда прибывшая большая партия пленных несколько дней находилась под открытым небом из-за отсутствия места под кровлей.

Кормили 1 раз в сутки. Суточный паек состоял из 100 граммов хлеба и 1 литра супа. Бывали нередкими случаи, когда несколько суток подряд совсем не кормили.

В августе все военнопленные проходили регистрацию по такой (примерно) форме: а) фамилия и имя; б) год рождения; в) национальность; г) домашний адрес; д) чин (в/звание); е) где и когда взят в плен; ж) ранен или нет; з) в каком полку служил. Для регистрации была из пленных организована команда писарей. После регистрации наиболее сильных и здоровых разместили отдельно от слабых и больных (раненых).

Здоровые и крепкие образовали так называемый рабочий батальон, из которого водили на работу в город и на внутрилагерные работы. Были вывешены

объявления: «За укрывательство от работы – расстрел!» Но страшнее этого объявления был голод, который гнал всех на работу; все имели надежду на то, что в городе удастся что-нибудь раздобыть во время работы.

В это время лагерь напоминал кошмарные видения. Воды не доставало. Люди, исхудавшие до предела, напоминали скелеты, а сам лагерь – огромное кладбище, на котором поднялись все сразу погребенные. Страшно страдали от голода и жары. Слабость от голода делала людей подобными теням. От голода сходили с ума, убивали себя. Голод был царем лагеря, а немцы – теми, кто дал ему корону. Возникла и принимала чудовищные размеры дизентерия. Уборных не было, были рвы.

В самую гущу военнопленных приходили немцы с собаками и устраивали травлю.

За кусок хлеба покупали личные вещи пленного или прямо отнимали их (это было чаще). Состав и количество пленных лагеря непрерывно менялся. Прибывали новые партии, задерживались в лагере двое-трое суток и уходили. Иногда часть от проходящей партии оставалась, а вместо нее уходили другие, давно находившиеся в Молодечненском лагере. В то время лагерь назывался пересыльным (на немецком языке в сокращении Dulag).

В августе появились первые случаи смерти от голода. Из военнопленных была организована команда могильщиков, занимавшаяся погребением умерших. Смертность растет быстро. Сначала умерших погребали в одежде, затем – нагими. Одежда и обувь умерших собирались на складах. Но кошмар не достиг еще в это время своей кульминационной точки. Это произошло в октябре и ноябре. Именно – наступила ранняя зима с первыми сильными морозами. Бараки, где располагались пленные, не отапливались. Бани не было. В ноябре начался сыпной тиф, и на лагерь наложили карантин. Хлеб стали давать с древесными опилками. Люди съедали свои 100 граммов и умирали, корчась от страшных болей. Замерзали днем и во время сна ночью. Смертность достигла наибольших размеров: 350–400 человек в сутки. Всего в лагере погибло около 25 000 человек. Немцы никаких мер не принимали. Паяк не увеличивался, бараки не топились, больных не лечили (оказывали незначительную помощь больным русские военнопленные врачи). Было ясно каждому, что все эти условия созданы с умыслом, специально для истребления людей.

Распорядок лагеря до карантина был такой:

1. Подъем в 5 часов утра для некоторых отрядов (которые ходили на работу) для получения пищи. Все остальные стояли в колоннах, ожидая свою очередь.
2. Получив пищу (100 граммов хлеба и 1 литр супа), шли на работу до вечера.
3. Возвращались с работы разные команды в разное время. Пищи не получали».

Из протоколов допросов Н. И. Аннушкина, рядового отдельного танкового разведывательного батальона 112-й стрелковой дивизии, в транспортном отделе НКГБ Горьковской железной дороги (РИ)

В.: Расскажите подробно о своем пребывании в плену у немцев с первого дня своего пленения.

О.: Числа 7 или 8 августа 1941 года из лагеря города Невель немцами был собран этап в количестве примерно 4000 человек. В этот этап попал и я, но так как пешком идти не мог, то меня везли на конной подводе. Всем этим этапом примерно числа 15–16 августа мы прибыли в город или местечко Молодечно, какой области, не знаю, в расстоянии 80 километров от Минска. В этом лагере немцами я был помещен в госпиталь, расположенный на окраине города Молодечно, в какой-то бывшей воинской казарме, где и пробыл три недели на излечении после контузии, принимая только растирание или массаж тела.

В.: Кого вы знаете из медицинского или обслуживающего персонала госпиталя города Молодечно?

О.: Я знаю доктора Смирнова, имя, отчество не знаю, пожилых лет. Других лиц никого не знаю.

В.: Продолжайте показания.

О.: В этом госпитале я был зарегистрирован фельдшером, фамилию которого не знаю, который записал полностью мои биографические данные, т. е. фамилию, имя, отчество, год рождения и где последнее время проживал.

В.: Где вы были и чем занимались после госпиталя?

О.: Из госпиталя я [был] выписан числа 10 сентября 1941 года и был помещен в общий 10-й барак. 15 сентября 1941 года всех военнопленных, находящихся в этом бараке, примерно около двух тысяч человек, немцы пропустили через медосмотр, выдали хлеба и объявили, что погонят нас в глубь Германии работать. Этапом направили на станцию Молодечно, где посадили в открытые полувагоны и повезли поездом в Германию.

В.: Во время перевозки вас поездом была ли вооруженная охрана?

О.: Да, была, но не сильная: через два-три полувагона стоял немецкий солдат с винтовкой.

В.: Куда вы приехали с этим эшелоном?

О.: Следуя на полувагоне, я уговорился с хорошо мне знакомым по гражданке Ничковым Иваном Филипповичем бежать из эшелона, что [мы] и осуществили на первой остановке за городом Вильно.

В.: Расскажите подробно, как вам удалось совершить побег из-под охраны немецкого конвоя.

О.: Примерно 16 сентября 1941 года вечером, часов в 10 вечера, поезд, в котором повезли нас, остановился на первой от города Вильно станции по направлению на город Лида, где поезд простоял не более одной минуты. Когда поезд тронулся и наш вагон проследовал стрелочную будку, то я и Ничков прыгнули и скатились с насыпи в кусты. Наш побег был замечен патрулями, но не наших вагонов, а последующих, которые по нам открыли стрельбу. Сделав четыре выстрела, дали промах. После прохода поезда мы побоялись идти в город Вильно и, перейдя железнодорожный путь, одну колею, направились в близлежащий лес и всю эту ночь шли в южном направлении от Вильно. Примерно в полночь по дороге мы вышли к какому-то населенному пункту, состоящему из 6-8 домов, в одном из которых слабо горел огонь. В этот дом мы постучались, и на наш стук дверь открыла женщина, у которой мы попросили есть. Войдя в ее дом, мы от нее получили хлеба, соли и спичек и по ее предложению или, вернее, предостережению ушли из этой деревни. Ей мы, не скрывая, пояснили, что убежали из эшелона военнопленных.

В.: Следовательно, эта женщина говорила и понимала по-русски?

О.: Да, она понимала и с искажениями говорила на русском языке.

В.: Какого содержания она вам сделала предупреждение?

О.: Она нам предложила уходить, предупредив нас, что в деревне имеются полицейские, которые проверяют дома.

В.: В какой одежде вы заходили к указанной вами выше крестьянке-женщине?

О.: Я был одет в фуражку гражданскую, стеганую замасленную фуфайку, а гимнастерка, брюки и кирзовые сапоги были красноармейские.

В.: Где же вы приобрели гражданскую фуражку, замасленную стеганую фуфайку?

О.: Фуражку и фуфайку я выменял у неизвестного мне гражданина в лагере Молодечно.

В.: Продолжайте показания о своем нахождении в бегах.

О.: Совместно с Ничковым пешком мы прошли до деревни Поповка Ольшанского сельского совета, а района не знаю, Виленской области (не точно), находящейся примерно в 100–120 километрах от Вильно. Это было вечером, примерно 25–27 сентября. В деревне Поповка на крыльце дома, стоящего на отшибе от других, мы увидели сидящего мужика, у которого попросили покушать, объяснив ему, что мы были еще до войны заключенными привезены на строительство аэродромов, а сейчас освобождены немецкими войсками и пробираемся на родину, в Смоленскую область. Данный мужчина предложил нам остаться у него поработать, но мы ему высказали опасение, что нас арестуют. Он нас в этом разуверил и сказал, что возьмет разрешение у старосты села о том, чтобы мы у него работали и не были арестованы. Так он и сделал, и мы остались у него работать.

В.: В чем был одет Ничков?

О.: Побег Ничков совершил в военной форме, но по дороге до деревни Поповка он выменял на военное обмундирование фуражку, коричневое в клетку пальто, самотканые брюки и рубашку, оставив только сапоги. Я также из воинского обмундирования оставил только сапоги, а гимнастерку и брюки променял на самотканые брюки и рубашку.

В.: Сколько времени вы проработали в деревне Поповка?

О.: В деревне Поповка у Петрусевича Романа, отчество я не знаю, я проработал до 31 декабря 1941 года. Ничков до этого же времени работал у брата моего хозяина, тоже Петрусевича, имя и отчество которого я не знаю.

В.: Что вы стали делать после 31 декабря 1941 года?

О.: 31 декабря 1941 года староста деревни, фамилию которого я не знаю, предупредил нас, что нам нужно идти в Ольшаны в сельсовет, или, как его там называли, гмина, за получением документов на право жизни в Поповке. Но, когда мы пришли туда, нас арестовали в полиции, а провожавших нас хозяев отпустили. Таких, как мы, собралось 21 человек, вместе с которыми под стражей в гминах мы переночевали, а на следующий день были отправлены в тюрьму в город Ольшаны.

В.: Следовательно, в деревне Поповка у старосты вы были зарегистрированы?

О.: Да, были зарегистрированы под своими биографическими данными, за исключением того, что Ничков назвал своей родиной Смоленскую область.

В.: За что вы были арестованы немецкой полицией в Ольшанах 31 декабря 1941 года?

О.: Я этого не знаю, так как в Ольшанах допросов мне не чинили и обвинения никакого не предъявляли. В тюрьме же в Ольшанах в канцелярии какая-то девушка в присутствии полицейских сделала мне опрос и с моих слов заполнила какую-то карточку, где были занесены мои правильные биографические данные, а Ничков наврал [о] месте рождения, выдавая себя за смоленского.

В.: Сколько времени вы были в тюрьме в Ошлянах и чем занимались последующее время?

О.: В тюрьме мы были с 1 по 17 января 1942 года. За это время встретили Денисова Михаила Ивановича, [который] до призыва в Красную Армию проживал в городе Краснокамске и работал на фабрике Гознак. С ним вместе мы сидели в одной камере и вместе ходили на расчистку снега, устройство дорог [в] Ошлянах, делая осадку дорог елками. К 17 января 1942 года четверо заключенных заболели тифом...

Глава 7

– Ты общался с пленными? Каково твое мнение о них?

– Общался. Хотя бойцы Седова старались их не брать, особенно полицаев из вспомогательной полиции, охранных батальонов и эсэсовцев. Тем не менее в Минске захвачено больше пятисот человек солдат и офицеров Вермахта из охранных батальонов и танкистов, две сотни из Люфтваффе и примерно три сотни человек из числа различных немецких организаций. Офицеров, Абверовцев и сотрудников СД мы сразу отделили от других пленных и отправили в Москву.

– Да, я знаю, с ними сейчас работают следователи.

– Те пленные, с кем я говорил, в основном служили в тыловых организациях, занимались охраной лагерей военнопленных, организацией снабжения ГА «Центр», ремонтом техники. Среди них преобладала растерянность и удрученность от смены их положения, тем не менее довольно много тех, кто верит, что это ненадолго, что в итоге Германия победит, а они в ближайшее время будут освобождены Вермахтом, а восстание в Минске будет подавлено. В основном такие мысли высказывают те, кому до 40 лет. Те, кто возрастом старше, к попаданию в плен относятся довольно философски и откровенно радуются, что остались живы. Довольно охотно идут на контакт. Фанатиков среди пленных немного, но они есть. В основном это члены всевозможных нацистских организаций. Они на контакт не идут, фанатично преданы своему фюреру и считают нас недочеловеками и варварами.

– Понятно. Что там со вспомогательной полицией? Из кого она чаще всего формируется?

– В нее идут представители, условно говоря, пяти разных по своим целям и взглядам категорий населения.

Первые – это идейные противники советской власти. Среди них преобладают бывшие белогвардейцы и уголовники, осужденные по политическим статьям. Приход немцев они воспринимают как возможность отомстить «комиссарам и большевикам» за прошлые обиды. Белорусские, польские, украинские и прибалтийские националисты к тому же получили возможность вдоволь поубивать «клятых москалей и жидов». В отношении этой категории я согласен с Седовым – брать их в плен не имеет смысла. Только загрузим следователей лишней работой. Думаю, их следует уничтожать на месте без всякого разбирательства.

Вторые – это те, кто при любом политическом режиме старается остаться на плаву, получить власть и возможность вдоволь пограбить и поиздеваться над своими же соотечественниками. Нередко, как и представители первой категории, не отрицают, что подались в полицаи для того, чтобы совместить мотив мести с возможностью набить карманы чужим добром. Вот, например, что показал на допросе курсант Минских курсов полиции Лабанович: «На сотрудничество с немцами я пошел потому, что считал себя обиженным советской властью. До революции у моей семьи было много имущества и мастерская, которая приносила неплохой доход. Я думал, что немцы как культурная европейская нация хотят освободить Россию от большевизма и вернуть старые порядки. Поэтому принял предложение вступить в полицию... В полиции наиболее высокие оклады и хороший паек, кроме того, была возможность использовать свое положение для личного обогащения...» Думаю, что с ними надо поступать так же, как и с первой категорией.

Третьи – это военнопленные, для которых служба во вспомогательной полиции была единственным способом выбраться из лагеря военнопленных и выжить. Приведу в качестве иллюстрации показания полицая Грунского: «...Добровольно согласившись сотрудничать с немцами, я просто хотел выжить. Каждый день в лагере умирало по пятьдесят-сто человек. Стать добровольным помощником было единственным способом выжить. Тех, кто выразил желание сотрудничать, сразу же отделяли от общей массы военнопленных. Начинали нормально

кормить, переодевали в свежую советскую форму, но с немецкими нашивками и обязательной повязкой...» Таких, как Грунский, довольно много. С теми из них, кто не запятнал себя кровью советских граждан, можно работать и привлекать на нашу сторону. Остальных – к стенке.

Четвертая категория – это люди, которых заставили взять в руки оружие и нацепить на рукав повязку полиция под угрозой физической расправы над ними и их родственниками. С такими, я считаю, надо поступать так же, как и с предыдущей категорией.

Пятая категория – это те, кто пошел в полицию по заданию органов НКВД, партийных и подпольных организаций, командиров партизанских отрядов для того, чтобы снабжать информацией о замыслах и планах врага.

Надо сказать, что сами полиция прекрасно понимают, что их жизнь зависит от положения на фронте. Понимают они и то, что, когда территория будет очищена от врага, с них спросят по всей строгости советского закона. Поэтому и ведут себя соответственно. Первая и вторая категории, а также те, кто запятнал себя кровью советских граждан, всячески стараются выслужиться перед своими хозяевами, зверствуют, участвуют в карательных операциях, участвуют в расстрелах и грабежах.

Среди полицеев существует особая группа сотрудников охранных батальонов шуцманшафты (нем. Schutzmannschaft – охранный команд, сокр. Schuma). Проще сказать, карательные батальоны, действующие под командованием немцев и вместе с другими немецкими частями. Вот у них-то руки были по локоть в крови! На счету карателей тысячи загубленных человеческих жизней. Члены шуцманшафтов носят немецкую военную форму, но с особыми знаками различия: на головном уборе – свастика в лавровом венке, на левом рукаве – свастика в лавровом венке с девизом по-немецки «Тгеи Tapfer Gehorsam» – «Верный, храбрый, послушный».

По распоряжению Гиммлера от 6 ноября все охранные батальоны получили номера:

– для Северной России и Рейхскомиссариата «Остланд» (Беларусь и Балтия) – № 1-50;

- для остальных районов России – № 50–100;
- для Рейхскомиссариата «Украина» и украинских земель под военным управлением – № 101–200;
- для Генерал-губернаторства – № 201–250.

По функциям охранные батальоны подразделяются на:

- 1) охранные (Wacht-Bataillons), которые обозначены буквой «W» и предназначены для охраны важных стратегических объектов или транспортных путей;
- 2) резервные (Ersatz-Bataillons), которые обозначены буквой «E», в них проходят обучение рекруты и переобучаются бывшие сотрудники нашей милиции или полиции Польши и прибалтийских республик;
- 3) полевые (Feldz-Bataillons) – «F», используются для борьбы против партизан.

Белорусские батальоны получили следующие номера: с 45 по 49-й, 56-й, 60-й, с 64-го по 69-й. В организационном и оперативном отношении все эти части подчинены начальнику полиции порядка генерального округа «Беларусь» СС – оберштурмбаннфюреру Эберхарду Герфу и действуют в Западной и Центральной Беларуси. Единственным исключением является батальон «Shuma» № 69. Он расположен в тыловом районе группы армий «Центр» и подчиняется фюреру СС и полиции «Могилев».

По штатному расписанию каждый батальон должен состоять из штаба и четырех рот по 124 человека в каждой, а каждая рота – из одного пулеметного и трех пехотных взводов. Иногда в состав батальона входили также технические и специальные подразделения. Как правило, батальоном командует местный доброволец из числа бывших военнослужащих польской или Красной Армии. В каждом батальоне есть 8 немецких офицеров и 58 унтер-офицеров. Нехватку офицерского и унтер-офицерского персонала они собирались восполнить на курсах по переподготовке полицейских, открытой в Минске в начале декабря.

Желающие поступить на службу в батальон проходили проверку немецкими спецслужбами. Выяснялись подробности довоенной и военной жизни

добровольца. Доброволец должен быть в хорошей физической форме, а также иметь здоровые зубы. Срок службы определяется контрактом и составляет шесть месяцев. По штату каждый неженатый командир «Шума» до 35 лет получал 90 рейхсмарок, после 35 лет – 105 рейхсмарок, женатый без детей – 120, а с ребенком – 130. Солдат до 35 лет – 40 рейхсмарок, после 35 лет – 55, женатый без детей – 70, с ребенком – 80...

Глава 8

В конце второй декады января на «летучке» из Минска вместе с пополнением прибыла большая группа освобожденных из плена командиров и политработников РККА с полковником из штаба Болдина во главе. Они доставили приказ о передаче им дел и подразделений Лидской группы войск. Меня с остатками штурмового и истребительных батальонов отзывали в Заславль. Подлинность приказа подтвердили из штаба в Минске. Так закончилась моя «партизанская» война.

Дела сдавал с тяжелым сердцем.

Во-первых, тяжело было расставаться со своими бойцами, остающимися на командных должностях в сводных подразделениях. Прибывших из Минска командиров все равно не хватило, чтобы полностью закрыть «командные вакансии». Да и моим парням надо в звании и должности расти.

Во-вторых, не верилось, что прибывшие командиры справятся с задачей удержания Лидского выступа. Слишком истощенными они мне показались и в физическом, и в моральном плане. Слишком потухшими у них были взгляды, слишком умными и все понимающими казались глаза полковника. Возможно, во мне говорила немного уязвленная самооценка или просто человеческое отношение к людям, побывавшим в плену. Им бы месячный отпуск дать в тылу, чтобы они в своих семьях побыли, смогли прийти в себя, а не гнать снова на линию огня. У нас ведь здесь далеко не курорт. То, что немцы еще не перешли в контрнаступление, ни о чем не говорит. У них пока были куда более важные дела. Например, восстановить и удержать под контролем остальные линии снабжения ГА «Центр». Кроме того, они собирались с силами, чтобы ударить по нам со всей дури. Тут время играло против нас.

По прошлой истории я хорошо помнил события весны – лета 42-го, когда они нам основательно прищемили хвост. А у нас тут смена командной линейки на заведомо более слабых идет. Понятно, что парней отмыли от лагерной грязи, немного подлечили в лазарете, слегка откормили и переодели в свежее обмундирование, но к ним никто не залез в голову, не освободил от тяжелых мыслей и стрессов пребывания в плену. Да, парни они мотивированные, нахлебавшиеся плена, но смогут ли они выдержать очередной удар судьбы? Никто этого с уверенностью сказать не мог. Вообще, авантюры типа нашей с захватом малыми силами огромной территории должны делать или безумцы, или хорошо подготовленные и уверенные в себе авантюристы. Я лично себя относил к последним. Все вышеперечисленное мне не нравилось, и с каждой минутой все больше. О чем я и высказался в узком кругу своих командиров.

Тем же поездом, что привез смену, мы выехали в Заславль. По дороге, пока паровоз заправлялся водой и топливом, я успел встретиться и переговорить с Акимовым.

В Молодечно все было более или менее нормально. После разгрома высланного для «подавления восстания в лагере Молодечно» из Вилейки полицейского батальона и роты вспомогательной полиции из Сморгони противник на этом участке фронта ограничился прощупыванием нашей обороны своими разведгруппами. Чисто немецких частей против бойцов Акимова не было. По показаниям пленных, у комендантов Вилейки и Сморгони сил для наступления пока не было. Не было их и у Акимова. Фронт с нашей стороны держался силами «штурмовиков», «ястребков» и партизан, постепенно усиливающихся за счет пришедших в себя бывших пленных.

По сообщению Сереги, несмотря на довольно значительную разгрузку лагеря для военнопленных, на его территории все еще продолжало оставаться до 10 тыс. человек тех, кто до сих пор не прошел «фильтр». Кроме того, в городке оставалось большое количество больных из числа бывших пленных. Все уцелевшие дома в Молодечно были заняты ими. Смертность среди бывших пленных все еще оставалась высокой. В сутки от ран и болезней умирало около 30 человек. Сократить этот показатель пока не удавалось. Наиболее тяжелых раненых с аэродрома в Хожево удаётся отправлять самолетами за линию фронта. Для обеспечения всем необходимым боевого участка в Молодечно авиагруппой Паршина выделено 5 самолетов Ю-52 из числа захваченных в Минске, но этого было мало. За сутки успевали отправить не более 150 человек. Присылаемых из-за линии фронта припасов для группы Акимова не хватало. Не

хватает боеприпасов, оружия, обмундирования, продовольствия и медикаментов даже для обеспечения боевых подразделений, не говоря уже о населении. Хозяйственникам приходится изворачиваться, деля полученное. Перевод части больных в качестве гарнизонов близлежащих сел немного снял напряжение с обеспечением бойцов продовольствием и лекарствами. Хотя местное население особо и не желало делиться своими припасами, тем не менее в лечении больных помогает. Особенно с учетом того, что бойцы делятся с местными полученными из центра припасами и за наличные покупают у них продукты. Жаль, что времени у нас с Акимовым было мало. Даже наговориться не успели.

В Заславле мы разместились в тех же казармах, откуда уходили в рейд на Лиду. Положение у Григорьева было примерно таким же, как и у Сергея. С той лишь разницей, что у него не было «фильтра». Прибывающее пополнение его уже прошло в Минске. Действовал только «особый отдел», занимавшийся отловом дезертиров и предателей из числа «зятьков». Проблемы у политрука заключались в сплочении подразделений и борьбе с болезнями среди бойцов. По сообщению начальника ОО в группе Григорьева сержанта Маркина, почти ежедневно в подразделениях выявлялись лица, которые специально старались заболеть – простыть или подхватить вшей. Особенно много таких было из числа бывших «окруженцев». Боролись с такими «самострельщиками» самым простым образом – направлением после лечения в части Акимова на линии соприкосновения с врагом. Подразделения Григорьева в основном занимались восстановлением укреплений «линии Сталина», гарнизонной службой по селам и железнодорожным станциям, подготовкой резервов для фронта, заготовкой топлива.

Не успел я умыться с дороги, как из Минска поступил приказ прибыть к начальнику штаба группы войск генерал-лейтенанту Константинову. В Минске штаб группы войск находился на улице Свободы, дом 14, в том же здании, где раньше размещался немецкий генеральный комиссариат округа «Белоруссия». В ходе боя здание практически не пострадало, так, кое-где были выбиты стекла и двери, осыпалась штукатурка. За то время, что меня не было, помещения были приведены в относительный порядок. Мусор убрали, окна заделали деревянными щитами. На первом этаже располагались комендатура, подразделения охраны и обеспечения, столовая. Служебные и жилые помещения штаба располагались на втором и третьем этажах.

До того как я попал в кабинет к Михаилу Петровичу, мне удалось переговорить с сотрудниками штаба, пообщаться с «операторами» и ознакомиться с

положением на фронтах как у нас в Минске, так и на Большой земле.

Со времени последнего разговора с Константиновым положение нашей группы войск практически не изменилось. Тяжелые бои шли на Борисовском, Осиповичском, Несвижском и Барановичском направлениях. Здесь нашим войскам активно противостояли усиленные тыловыми частями и вспомогательной полицией подразделения 286-й (генерал-лейтенант Курт Мюллер, штаб в Витебске) и 203-й охранной дивизий (штаб в Бобруйске). С нашей стороны пытались отодвинуть фронт части 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майора Левашова (подразделения которого все еще продолжают прибывать!), партизаны и штрафные подразделения бывших военнопленных, усиленные танковым, двумя кавалерийскими, двумя артиллерийскими и одним противотанковым полками, сформированными в Минске. В городе и ближайших населенных пунктах продолжалось формирование новых подразделений, куда направляются мобилизованные и бывшие пленные. К концу января планировалось пополнить войска первой линии еще тремя стрелковыми полками и несколькими специальными подразделениями.

Линия фронта для нас проходила по линии Вязынь – Илья – Калачи – Гайна – Логойск – Мгле – Лавля – Рудня – Волма – Иваничи – Цель – Терebuты – Буда Гресская – Харитоновка – Телядовичи – Сейловичи – Вишневец – Столбцы – Аталезь. О положении дел на Лидском и Молодечненском участках обороны я сам рассказал штабистам. Нам пока там противостояли части 403-й охранной дивизии (генерал-лейтенант Вольфганг фон Дитфурт, штаб в Вильно) и прибывающие подразделения Вермахта и СС из генерал-губернаторства. Из имеющихся данных получалось, что Минская группа войск притягивала к себе минимум три полнокровные дивизии врага и целую кучу отдельных подразделений, чем значительно ослабляла ГА «Центр».

Меня очень интересовала ситуация на Московском направлении фронта. Именно там можно было отследить наиболее крупные изменения истории. К началу января 1942 года под Москвой сложилась чрезвычайно сложная для обеих сторон обстановка. Советские войска, почти месяц ведущие активное наступление, были уже в достаточной степени измотаны, в то время как германские войска, потерпевшие серьезное поражение, оказались обескровлены и деморализованы. В условиях холодной зимы обе стороны испытывали недостаток снабжения: части Красной Армии – из-за того, что далеко оторвались от налаженных коммуникаций и продвигались по выжженной предыдущими

боями территории, немцы – из-за слабости железнодорожной и автомобильной сети, к тому же постоянно подвергавшейся ударам партизан и диверсионных групп НКВД.

Наибольшего успеха в декабрьских боях достигли войска левого крыла Центрального фронта, за неполный месяц прошедшие с боями 200–300 километров. При этом действовавшие на крайнем левом фланге соединения 10-й армии генерала Голикова и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Белова далеко опередили своих соседей и, окружив немецкий гарнизон в Сухиничах, вышли на железную дорогу Киров – Брянск. Передовые части корпуса генерала Белова находились всего в 8 километрах от Варшавского шоссе. Правее них вели наступление 50, 49 и 43-я армии. Последняя 1 января 1942 года заняла Малоярославец. В немецкой обороне наметился 40-километровый прорыв на линии Сухиничи – Бабынино. Создавалась реальная возможность выхода советских войск в район Юхнова и на Варшавское шоссе, дальнейшего продвижения к Вязьме – в тыл немецкой 4-й полевой и 4-й танковой армиям, на жизненно важные коммуникации ГА «Центр», на соединение в районе Смоленска – Вязьмы с окруженными еще осенью остатками наших частей. Силы 4-й немецкой полевой армии, действовавшей против четырех армий Центрального фронта, оказались глубоко охвачены с юга. Общая численность четырех советских армий и кавалерийского корпуса, действовавших на этом направлении, оценивалась в 250 тысяч человек. По данным разведки, им противостояло от 20 до 25 немецких пехотных дивизий примерно той же численности.

7 января 1942 года Ставка ВГК определила задачи стратегической операции по окружению и разгрому основных сил группы армий «Центр». Центральный фронт генерала М. Г. Ефремова силами 43, 49, 50-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса должен был нанести фланговый удар из района Калуги и Мосальска в общем направлении на Юхнов и далее на Вязьму с одновременным фронтальным наступлением 5, 20, 30 и 1-й ударной армий Западного фронта на Сычевку и Гжатск. Одновременно правое крыло Калининского фронта в составе 22-й и 39-й армий, имея в резерве 29-ю армию, наносило удар с севера на Ржев и Сычевку. Обе ударные группировки должны были встретиться в районе Вязьмы, довершив окончательный разгром основных сил группы армий «Центр».

8 января ударная группировка Калининского фронта прорвала вражескую оборону северо-западнее Ржева. Уже 10 января передовые части 39-й армии

перерезали шоссе Ржев – Великие Луки и достигли района Сычевки. В связи с этим командующий 9-й немецкой армией генерал-полковник Штраус был заменен генералом Моделем.

На Юхновском направлении к середине января тоже наметился успех: подразделения 49-й армии подошли вплотную к станции Мятлево, части 43-й армии заняли Медынь и через Шанский завод продолжали наступление на запад. Для обеспечения этих действий в ночь на 16 января в помощь наступающим войскам в 20 км северо-западнее Медыни была выброшена усиленная парашютная рота из состава 1-го батальона 201-й вдбр 5-го вдк. Благодаря активным действиям этой десантной группы немецкое командование приняло решение отводить свои подразделения не на северо-запад, а на запад от Медыни. В результате во вражеской обороне образовалась брешь, куда была направлена наступавшая севернее 33-я армия. В результате локтевой контакт между 4-й танковой и 4-й полевой армиями противника оказался нарушен, вражеская оборона потеряла целостность. Основные силы 4-й немецкой полевой армии, насчитывавшие под Юхновом до 9 дивизий, оказались под угрозой обхода с севера. Южнее Юхнова подразделения правого фланга 10-й армии вышли на железную дорогу Вязьма – Брянск в районе Кирова, нарушив рокадное сообщение между 4-й танковой и 4-й полевой армиями противника. Основные силы 10-й армии совместно с 61-й армией Брянского фронта были заняты ликвидацией окруженной в Сухиничах группы генерала фон Гильза (6 пехотных батальонов) и отражением контрудара 24-го танкового корпуса немцев, 16 января начавшего наступление из района Людиново – Жиздры на Сухиничи с целью деблокировать город.

Еще больше ухудшали положение немцев активные действия Брянского фронта Рокоссовского. Пять его армий (3, 4, 21, 28, 61-я) в августе – сентябре, выдержав удар Моделя, перешли в наступление на участке Сухиничи – Климовичи – Костюковичи общим направлением на Снопоть – Киров и Рославль – Кричев. 3-я и 21-я армии во взаимодействии с 13-й и 40-й армиями Юго-Западного фронта нанесли удар на Гомель и Рогачев. Несмотря на то что все армии фронта в предыдущих боях понесли большие потери, их наступление было довольно успешным. В результате их действий были возвращены утраченные в октябре – декабре Рогачев и Буда-Кошелево. Возникла реальная угроза захвата Гомеля. Действия Рокоссовского не давали возможности фон Клюге снять с этого направления резервы и подкрепления.

В принципе, отличий от того, что происходило в знакомой мне истории, на данном этапе времени там было не очень много. Но все они были значимыми.

Первое – это наличие в районе Вязьмы – Смоленска значительного числа продолжающих сражаться в окружении советских частей, влияющих на положение 4-й полевой и 4-й танковой армий немцев и отвлекающих на себя резервы и подвижные соединения. Эти части в случае соединения с нашими наступающими частями могли замкнуть кольцо окружения вокруг значительной части ГА «Центр». Даже если фон Клюге прямо сейчас начнет выводить свои войска из предполагаемого котла, то все равно немцам очень многое придется оставить, и можно с полной уверенностью говорить об уничтожении 4-й полевой и 4-й танковой армий.

Второе. Успешное восстание в Минске и создание здесь крупной группировки советских войск, своими действиями перекрывшей снабжение ГА «Центр» по одной из наиболее важных магистралей. Она связала боями резервы, выдвигавшиеся для пополнения ГА «Центр» и «Север» из генерал-губернаторства и с запада, тем самым значительно ухудшив положение данных групп армий.

Третье. До сих пор существовал Брянско-Рогачево-Гомельский выступ, значительно осложнявший жизнь немецкому командованию.

Четвертое. Насколько я помнил, скоро должно было начаться несколько крупных операций советских войск. Среди них Вяземская воздушно-десантная, Демянская и Торопецко-Холмская наступательные операции. В известной мне истории в первых двух должны были принять участие части 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майора Левашова. В той истории они были не совсем удачными. В новой истории корпус находится здесь, в Минске, и его подразделения активно ведут боевые действия. Значит, вместо них Ставка будет использовать другие корпуса, например 5-й или 9-й. Все-таки, наверное, 5-й вдк, раз его подразделения уже высаживались в районе Мятлево. А раз так, то намечается более рациональное использование сил ВДВ, чем было раньше. Не будет ненужной высадки десанта в Демянский котел и его гибели там. Чем вам не положительное изменение истории?! Не зря писал Иосифу Виссарионовичу!!!

Именно в этот момент меня и разыскал адъютант Михаила Петровича. Разговор с генералом был донельзя откровенным. Я доложил о положении дел и высказал все, что думаю о рокировке подразделений и командования в Лидском углу.

Выслушав меня и мои доводы, Константинов ввел меня в курс дел группы.

Несмотря на все бодрые заверения штабных, оно было плохим. Еще не критическим, но уже плохим. Мы существовали только из-за того, что это позволял противник. Наши удары на Жодино, Червень, Осиповичи, Клецк, Несвиж и Тимковичи провалились. Это несмотря на то, что туда были направлены наиболее подготовленные и боеготовые части десантников и танки. Немцы не перешли в контрнаступление лишь потому, что для этого у них пока не хватает сил. Они все наличные силы поставили на охрану коммуникаций ГА «Центр». Для этого же они используют и прибывающие подразделения своих союзников – венгров, словаков, румын. Можно не сомневаться, что, как только будут собраны необходимые силы, немецкое командование примет меры к расчленению нашей группировки с последующим ее уничтожением. Пока у немецкого командования связаны руки на фронте, пока мы не обрежем еще одну линию снабжения ГА «Центр», наша группировка может еще на что-то надеяться, а вот дальше...

Снабжение минской группы войск слабое. Первоначально в Москве планировалось, что для обеспечения Минской группы и населения ежедневно будет использовано 65 транспортных самолетов и 30 истребителей прикрытия. Однако на сегодня эта цифра колеблется в рамках 19 транспортных ПС-84 МОАГОН, 32 самолетов Ю-52 и 16 истребителей из состава авиагруппы Паршина. Есть еще машины, захваченные здесь на аэродромах, многие из которых в исправном состоянии, но для них нет подготовленных экипажей. Проверка летно-технического состава, находившегося в плену, до сих пор не закончена, а из-за линии фронта дополнительный летный состав не присылают. Имеющийся авиапарк в основном используется для замены вышедших из строя и поврежденных зенитным огнем самолетов. Для нормального обеспечения группы нужно увеличить количество самолетов на линии в три раза. Если этого сделано не будет, то группа станет на путь вымирания. Немцам даже не потребуется применения больших сил, чтобы уничтожить нашу армейскую группу.

Для выживания срочно требуется сухопутный коридор к линии фронта, иначе... На юго-востоке сделать этого не удалось. Поэтому выбрано новое направление удара.

В начале января войска левого крыла Северо-Западного фронта (3-я и 4-я ударные армии) занимали оборону на рубеже восточного берега озера Селигер,

г. Осташков, северного берега озера Волго. Немцы не ожидали здесь активных действий советских войск и в полосе около 100 км имели три пехотные дивизии и одну кавалерийскую бригаду 16-й армии ГА «Север». 9 января войска 3-й и 4-й ударных армий внезапно перешли в наступление и к 12 января, прорвав тактическую зону немецкой обороны, продвинулись на 25–30 км. 4-я ударная армия 16 января овладела г. Андреаполь, теперь совместно с партизанами должна взять г. Торопец, а передовыми частями перерезать железнодорожную ветку Великие Луки – Ржев, содействуя продвижению войск левого крыла Калининского фронта. Войска 3-й ударной армии ведут наступление на г. Холм и обходят Демянскую группировку 16-й армии Вермахта с юга. По указанию Ставки и лично товарища Сталина ударные армии затем должны развить наступление на Витебском и Смоленском направлениях, в тыл группы армий «Центр» и на соединение с нашей группой войск. Ставкой командованию ударных армий и нашей группы войск поставлена задача к середине февраля соединиться коридором в районе между Полоцком и Витебском.

Для выполнения указаний Ставки штабом разработана новая наступательная операция. Минской группой войск вновь будет нанесено несколько отвлекающих ударов подразделениями штрафников на Борисов и Осиповичи. Основной же удар будет наноситься севернее, вдоль железнодорожной и автомобильной дорог Молодечно – Вилейка – Докшицы – Лепель – Витебск. Заняв Молодечно, подразделения Акимова не вели активных наступательных боевых действий в этом направлении. Только оборонялись, демонстрируя противнику отсутствие необходимых сил для наступления. Враг в это поверил, усиления гарнизонов на этом направлении практически не произвел. Пришло время этим воспользоваться. Удар будет наносить моя бригада (в т. ч. резервные батальоны, созданные Григорьевым), усиленная бронепоездами Сафонова, танковым батальоном и партизанами. Авиационное прикрытие будет осуществлять истребительная эскадрилья с аэродрома в Молодечно и бомбардировочная из Минска. Общее руководство операцией возлагалось на меня, хотя против этого выступали в штабе Болдина. Однако Константинову удалось настоять на своем мнении, сославшись на успешный «Лидский рейд». Неожиданной была поддержка этого предложения со стороны партийного руководства республики и лично Пономаренко.

Согласно разведданным подпольщиков и партизан, нам будут противостоять подразделения 201-й и уже знакомой 403-й охранных дивизий, растянутых вдоль железнодорожных линий Вильно – Полоцк, Молодечно – Глубокое, Лепель – Орша и в крупных населенных пунктах вдоль дорог. Основными гарнизонами противника являются Вилейка, Докшицы, Крулевщина, Березино, Глубокое и

Лепель.

201-я охранная дивизия только что закончила переформирование из охранной бригады. В нее, кроме чисто немецких соединений, входят части полиции «порядка» и «восточных» батальонов. Часть подразделений дивизии действует на Логойском направлении. Здесь отмечено присутствие пехотного полка, артиллерийского дивизиона и нескольких специальных подразделений этой дивизии. Гарнизон в Вилейке – два батальона вспомогательной полиции (литовцы, поляки, белорусы) и рота немецкой жандармерии, железнодорожники. Докшицы – охранный батальон, рота жандармерии, железнодорожники и до роты полиции порядка (белорусы). В Глубоком – пехотный батальон охранной дивизии и подразделения жандармерии, железнодорожников, зенитчиков и полиции порядка (литовцы, латыши). Березино – до батальона пехоты охранной дивизии (немцы, украинцы), Абверкоманда. Гарнизон в Лепеле – два батальона полиции (белорусы, украинцы), штаб охранной дивизии, немецкий охранный батальон, противотанковый дивизион, кавалерийский эскадрон, пулеметная рота, зенитчики, железнодорожники, рота жандармерии, БАО аэродрома и Абверкоманда. На железнодорожных станциях и деревнях имеются посты вспомогательной полиции и немецкой жандармерии. В Докшицах, Глубоком, Березино и Лепеле расположены лагеря для военнопленных. Наиболее крупный из них в Глубоком. По неподтвержденным данным, там содержится порядка 10–12 тыс. человек советских граждан, многие из которых инвалиды по ранениям и больные. Есть еще несколько лагерей рабочих команд военнопленных на несколько сотен человек, используемых врагом для строительства узкоколейной железнодорожной линии Докшицы – Лепель, для поддержания в порядке железнодорожной линии Вилейка – Полоцк и обслуживания железнодорожных перевозок. В Лепеле военнопленные заняты на работах по обслуживанию аэродрома и железнодорожной станции.

Бронепоездам Сафонова ставится задача действовать во взаимодействии с моей бригадой. Захватить и удерживать станцию Крулевщина, а потом нанести удар в сторону Глубокого.

Сил, которые планируются для удара, должно хватить для разгрома немецких гарнизонов, каждого по отдельности. По мере продвижения мы будем усиливаться резервными батальонами из состава гарнизонов Минска и Молодечно, освобожденными из плена и партизанами. Есть большая вероятность, что немецкая разведка отслеживает наши ударные подразделения, именно поэтому мы были направлены в Заславль. Все остальные подразделения,

участвующие в операции, будут собираться на железнодорожной станции Уша. Срок начала операции – через десять дней.

Задумчиво посмотрев на меня, Михаил Петрович спросил:

– Вам все понятно?

– Да. На начальном этапе операции выделенных мне сил действительно хватит, но как только немецкое командование определится с направлением главного удара, оно перебросит туда дополнительные силы из Вильно и Лепеля, чем остановит нас. Кроме того, оно может со стороны Вильно нанести несколько ударов общим направлением на Молодечно и Лиду. Свободных резервов на тех направлениях нет, а раз так, то немцы смогут прорвать нашу оборону и продвинуться к Минску. Кроме того, они смогут отрезать нас от главных сил и отрезать нам пути отступления и обеспечения. Таким образом, наш прорыв на Докшицы будет обречен. Что в этом случае я должен делать?

– Я понимаю ваше беспокойство, Владимир Николаевич. Мы учитываем в том числе и такой вариант событий. Именно поэтому выбор пал на вас и ваших людей как на имеющих опыт успешных действий в тылу врага. В случае прорыва нашей обороны в районе Молодечно вам необходимо будет продолжать активные действия в направлении Докшиц – Лепеля. Нужно заставить врага бросить против вас как можно больше сил и средств, усилить свои гарнизоны в Вильно, Лепеле, Полоцке и Витебске. Нужно не дать ему возможности использовать прибывающие из Германии резервы на фронте. Это надо сделать любой ценой. И еще... Об этом пока мало кто знает, в том числе и в руководстве республики, но несколько дней назад здесь, в лесах под Минском, начато сосредоточение сил 6-го вдк. Ваши активные действия должны отвлечь внимание врага, в том числе и от этого. Чем позже противник узнает о переброске сюда свежих сил, тем эффективнее будет наш удар.

– Я это понимаю. Мы оправдаем доверие.

– Я в этом и не сомневался. Все необходимые документы по операции вы получите в ближайшие несколько дней...

В течение всего разговора мне казалось, что Константинов чем-то удручен и озабочен. Но не настолько мы с ним хорошо знакомы, чтобы спрашивать его об

этом в лоб. Долго нам поговорить не пришлось – дела, они и в Африке дела.

Глава 9

Обсуждение планов было у нас и с Цанавой на его даче в Степянке. До этого нам с ним как-то особо говорить не приходилось. Все время на бегу, по телефону и в цейтноте.

Нарком прибыл в Минск вместе с Пономаренко через три дня после захвата и удержания нами города. Тогда же прибыла и его группа сотрудников наркомата в количестве 20 человек. На совещании в штабе группы я был представлен прибывшему руководству республики как командир подчиненного ему боевого соединения, комендант и начальник гарнизона города. Тогда же нарком забрал в свое распоряжение часть моих штабных и особистов, роту пограничников, прикомандированную к нам из 2-й МСДОН. Затем было несколько коротких встреч на различных совещаниях, недолгая встреча при обсуждении плана рейда на Лиду, и вот теперь выпал шанс познакомиться поближе, а то получалась парадоксальная ситуация – командир наиболее крупного соединения НКВД практически не знаком со своим начальником.

У нас с ним состоялся долгий и обстоятельный разговор о действиях бригады, захваченных в Лиде документах и трофеях, пленных, обстановке на фронте, отношении местного населения к нам, а также событиях, произошедших во время моего отсутствия в Минске. Узнав об обстоятельствах рейда на Барановичи, я просто не мог в разговоре с наркомом пройти мимо этого. Лаврентий Фомич меня успокоил, сказав, что в отношении «полковников», толкнувших группировку на такой необдуманный шаг, вопрос решен, они получили то, что заслужили. Я вновь высказал мнение о необходимости усиления Лидского угла или отходе оттуда к старой границе. Цанава обещал поднять этот вопрос на совещании в штабе. Нами обсуждался вопрос ускорения фильтрации бывших военнопленных и тех, кто был отпущен немцами из лагерей – военнопленных, местных жителей и уголовников (до войны привлекавшихся на работах по ремонту аэродромов). Насколько я помнил из прошлой истории, немцы освободили из лагерей более 200 тыс. человек, только в Минске и Минском районе таких было более 40 тысяч. Нарком ответил коротко – работаем. Дел слишком много, а людей не хватает. Кроме этой категории, приходится

решать вопрос с дезертирами и перебежчиками, охраной тыла от разведгрупп противника и выходящих из окружения подразделений Вермахта. Много забот приносили действия польских отрядов АК и белорусских националистов – «срут» где только могут. Особисты из подразделений и партизаны постоянно сообщают о стычках с поляками и лжепартизанами из белорусов, попытках пропаганды среди призванных по мобилизации местных жителей. В качестве примеров комиссар ГБ привел несколько красноречивых случаев.

«В соответствии с приказом Ставки на освобожденной территории разрешено провести призыв в РККА мужского населения в возрасте 17–45 лет. Мобилизационные возможности освобожденных районов оценивались в 200–250 тыс. человек, в том числе не менее 100 тыс. имеющих опыт военной службы. Во всех населенных пунктах, где стоят наши гарнизоны, были развернуты призывные пункты. За две недели января было оповещено примерно 50 тыс. человек. Так вот. На сегодняшний день удалось призвать всего 35 тыс. человек. Из них имеет опыт военной службы только 6 тыс. человек, в большинстве своем это наши окруженцы или вылечившиеся раненые. Еще 8 тыс. человек признаны негодными к военной службе, в том числе около 6 тыс. бывших военнослужащих РККА. Остальные 7 тыс. человек или не явились по повесткам, или ушли в леса. В первую очередь это касается поляков, литовцев и белорусов из бывших польских районов и тех, кто служил в полиции. Таких, по нашим подсчетам, около 5 тыс. человек. Вот эти лица и сорганизовываются в лжепартизанские отряды численностью до 100 человек. Они, приходящие в местечки и обкладываящие продовольственной данью местных жителей, нападают на наши небольшие группы бойцов и командиров. При помощи партизан удалось напасть на след нескольких таких отрядов и разгромить их. Пленные показали, что они готовы сражаться только за БНР в ее этнографических границах и что сражаться будут только в составе польской или белорусской армии и под руководством «Белорусской народной самопомощи». Эта организация с разрешения германского командования была создана осенью прошлого года и успела довольно хорошо промыть мозги населению.

Или вот еще несколько эпизодов. Первый связан со взятием Логойска. Гарнизон городка состоял из 500 человек – немецкой пехотной роты и батальона «оди». Последний был укомплектован из числа белорусов и украинцев. На вооружении гарнизона состояло 4 ручных и 2 станковых пулемета, шесть минометов, в т. ч. 282-мм. Гарнизон смог отбить несколько атак на город партизан и наших сводных подразделений. В ходе последнего штурма немцы и гитлеровцы были выбиты со своих позиций. Их остатки, оказавшись окруженными, укрепились за стеной городской тюрьмы и сдерживали атаки штурмующих в течение дня, а

затем предложили перемирие с одной лишь целью – вывести из тюрьмы свои семьи, женщин и детей. Сами капитулировать отказались. На следующий день к городку на помощь гитлеровцам из Лепеля подошло подкрепление в составе батальона украинских полицаев. Они благодаря местным проводникам из числа белорусов смогли практически незаметно подойти к городку. В предыдущие дни наши силы в Логойске потеряли до 300 человек ранеными и убитыми, еще около 50 человек дезертировали. Атака гитлеровцев на городок была отбита с большим трудом. Наш сводный отряд потерял еще около 100 человек. Узнав, кто противостоит нашим частям, штабом обороны к полицаям были направлены переговорщики и агитаторы. Благодаря этому удалось договориться, что мы даем окруженным в тюрьме «коридор» для выхода из Логойска, а они вместе с украинскими националистами отказываются от атак на городок и отходят к Лепелю. Что и было сделано. Потери гитлеровцев и полицаев составили около 300 человек. Взятые в плен полицаи на допросе опять-таки сообщили, что они сражаются вместе с немцами за БНР в ее этнографических границах.

Далее. Взятый нами в плен один из польских сотрудников военно-строительной организации Тодта на допросе показал, что он является бойцом отряда «Тихотемные». Это «специальное формирование польских вооруженных сил на Западе, предназначенное для обучения и подготовки руководящих кадров и специалистов диверсии и разведки, направленных для борьбы с немцами на оккупированной территории...». В августе прошлого года 26 «тихотемных» направили в «Вахляж» – специальное подразделение ЗВЗ-АК для проведения диверсий и разведки на оккупированных немцами западных территориях Советского Союза. Они должны были в соответствии с «планом прикрытия» на случай широкого польского вооруженного восстания обеспечить задержку в Восточной Беларуси как немцев, так и наших частей. Диверсии намечались в треугольнике «А» Минск – Орша – Жлобин и треугольнике «Б» Полоцк – Невель – Витебск. Большая часть бойцов «Вахляжа» служила в организации Тодта, носила немецкую форму без знаков отличия с желтой повязкой на руке, на которой черными буквами было написано: «Im Dienst der Deutschen Wehrmacht». Этим агентом была выдана значительная часть подпольной организации, действовавшей в Минске, и резидент польской разведки ротмистр Юзеф Свида. В результате расследования выявлено еще несколько таких диверсионных групп здесь, в Минске, Заславле и Молодечно. Установлено наличие подобных диверсионных групп численностью в несколько десятков человек в районе Крулевщины и Новогрудчины. Сколько еще таких групп, находящихся в нашем тылу, неизвестно».

Вот так красиво Лаврентий снял вопрос о возвращении в часть сотрудников моего Особого отдела.

Узнал я и о том, почему у Константинова такой удрученный и озабоченный вид. Из захваченных документов Абвера и показаний бывших пленных стало известно, что осенью прошлого года на службу к немцам пошло довольно много бывших бойцов и командиров 6-го кав. корпуса, в котором генерал до войны командовал 6-й Чонгарской Кубано-Терской кавдивизией. Кроме того, из документов местной Абвергруппы установлено, что 5 июля 1941 года в районе станции Ратомка в ходе боя немцы захватили в плен группу командиров 6-го кав. корпуса, в том числе командира корпуса генерал-майора Никитина. Известно, что в момент пленения Иван Семенович был ранен и тяжело контужен, находился в бессознательном состоянии. Никитин одно время находился в Минском лагере, а затем был отправлен в лагерь на территории Польши. Константинов и Никитин были дружны. Некоторые горячие головы из штаба группы пытались связать июньские неудачи нашей 10-й армии в Белостокском выступе с их именами.

До войны 6-й казачий кавалерийский корпус имени Сталина считался одним из лучших в РККА. На начало войны кавкорпус состоял из управления корпуса и двух кавалерийских дивизий бывшей легендарной 1-й Конной армии: 6-й Чонгарской Кубано-Терской кавдивизии генерал-майора Константинова, стоявшей в районе Ломжи, и 36-й имени Сталина кавдивизии генерал-майора Е. С. Зыбина, стоявшей в районе Волковыска. 6-я кд находилась в первом эшелоне, а 36-я кд – во втором эшелоне оперативного прикрытия. Дивизия Константинова считалась отлично подготовленной, особенно в области тактики, конного и огневого дела. 22 июня в 3 часа ночи корпус был поднят по тревоге. С рассветом дивизия Константинова вступила в бой в районе Ломжи. Первыми приняли на себя удар врага 48-й Белоглинский Кубанский казачий полк и 94-й Северо-Донецкий Кубанский казачий кавалерийский полк подполковника Петросянца, затем подошли 3-й Белореченский Кубанский подполковника В. В. Рудницкого и 152-й Ростовский Терский казачий подполковника Н. И. Алексеева полки. На следующие сутки полкам дивизии поступил приказ оставить занимаемые позиции и влиться в состав КМГ Болдина и нанести контрудар во фланг прорвавшейся группировки противника из Сувалкского выступа. После тяжелых боев 6-й кавалерийский корпус вынужден был отходить на восток. Отход был очень тяжелым. Связи со штабом фронта не было. Тыл оказался отрезанным. Проведенной сотрудниками Генштаба проверкой установлено, что корпус и конкретно дивизия Константинова действовали героически, до конца выполнили поставленную им командованием округа и

Генштабом боевую задачу и отступили с занимаемых позиций только по приказу высшего командования. Несмотря на отступление и большие потери в первые дни войны, Константинов смог сохранить дивизию как боевое соединение. Под ударами превосходящих сил противника его дивизия с тяжелыми боями отходила в сторону г. Минска, где была окружена и практически вся уничтожена. Сам Константинов получил тяжелое ранение и был оставлен с группой раненых в одном из хуторов на лечение.

Несколько дней назад к войскам группы присоединилась группа бойцов и командиров его дивизии, партизанивших в Малом Полесье и рассказавших об июньских боях. Этими показаниями и итогами проверки удалось заткнуть рот недоброжелателям, но тем не менее осадок от выраженного недоверия у генерала остался.

Закончился наш разговор в столовой, куда на ужин собрался весь наличный состав наркомата, в том числе и мои прикомандированные бойцы. Были тут и командиры двух вновь сформированных из ранее бывших в плену пограничников и сотрудников НКВД полков – Пограничного и Комендантского. Многих из них я встречал, пока комендантствовал в городе. Меня узнавали, приветствовали, хвалили. Кто-то искренне, кто-то с завистью. Тут мне наконец-то попался Петрищев. Отойдя в уголок, мы с Сергеем накоротке переговорили, обсудили дела как в бригаде, так и в группировке в целом. Вскоре к нам присоединились женщины из служб наркомата. Среди них была и Татьяна, которую не видел с момента взятия Минска (она была прикомандирована в качестве переводчика к группе Цанавы). Мы оба соскучились и были рады встрече. У Татьяны была своя комнатка в общежитии, и остаток ночи провели там. О чем могут говорить и что могут делать двое оставшихся наедине взрослых людей, надеюсь, рассказывать не надо, и так понятно. Не зря же сказано:

Уводят женщины в туман,

Туман любви и наслаждений...

Стремление, вечность, слов обман,

Все дальше, в чащу искушений...

Выводят женщины на свет,

Где солнца яркие лучи...

Прекрасней чувства в мире нет,

И жизни музыка звучит...

Глава 10

(РИ) 27 января 1942 года в дневнике начальника Генштаба Сухопутных войск Германии Ф. Гальдера отмечено: «На фронте группы армий «Центр», прежде чем вести наступление через Сухиничи в северном направлении, необходимо ликвидировать группировку противника в районе к западу от 53-го армейского корпуса. Восстановление положения в районе брешы между 4-й танковой и 4-й армиями (район восточнее Медыни) по-прежнему связано с большими трудностями. Части противника, отрезанные в результате нашего удара под Ржевом, а также 3-я и 4-я ударные армии противника начинают заметно активизироваться в районе к северу от шоссейной дороги Смоленск – Вязьма. Принимаются меры по прикрытию этой дороги».

* * *

(РИ) 27 января 1942 года Гитлер отправил в штаб генерала Моделя следующую телеграмму: «...Солдаты 9 А! Разрыв вашего фронта ликвидирован... Если в ближайшее время вы по-прежнему будете выполнять свой долг, то будет уничтожено большое число русских дивизий... Еще раз выражаю свою признательность вам, солдаты 9 А...»

* * *

Из беседы в Кенигсбергском госпитале

– Я смотрю, Вилли, ты выглядишь молодцом! Не то что месяц назад! Стал таким розовым и свежим, словно помолодел на двадцать лет!

– Твоими молитвами, господин полковник, и слезами моей жены! – откладывая на тумбочку книгу и приподнимаясь с подушки, чтобы приветствовать друга,

сказал майор. – Прости, что не могу встать. Какими судьбами ты попал сюда?

– Меня Адмирал вызывал на совещание в Берлин, а на обратном пути просил заехать сюда, на Кранцераллее (ныне ул. Советская), д. 40 в Абверштелле «Ост Пройссен» (АСТ «Восточная Пруссия»), к полковнику Каппу, передать некоторые документы и заодно переговорить по ряду вопросов. Так как ты лежишь здесь, то я просто не мог тебя не посетить. Где твоя прекрасная половина?

– Увы. Она уехала в Берлин. С детьми некоторые проблемы, кроме того, она хотела бы съездить в Швецию, отдохнуть от всех этих переживаний.

– Понятно. Как долго ты собираешься здесь отлеживаться? Прости, я не успел поговорить с твоим лечащим врачом.

– Уже лучше. Нога и голова почти в норме, раны уже зажили. Хуже с переломами ребер и воспалением легких. Прогулки по морозу не прошли просто так, где-то протянуло. Врачи обещают, что в течение месяца поставят на ноги. Как у тебя дела?

– Все более или менее неплохо. С семьей все нормально. Когда был в Берлине, с разрешения Адмирала смог несколько дней побыть у своих.

– Ты опять на фронт или останешься здесь, при штабе «Валли»?

– Увы, нет. Должен вернуться. Штаб ГА переведен из-под Смоленска обратно в Оршу. Естественно, и мы туда переехали.

– Что, все так плохо на фронте? Сюда не так быстро приходят новости.

– По-всякому. В принципе, ничего нового. Русские стараются наступать, мы обороняемся.

– Похоже, Карл, ты пытаешься уйти от ответа! Давай рассказывай, что творится на фронте. Я так понимаю, что мои негативные предположения оказались верными?

– Положение нашей группы армий действительно далеко не блестящее. Бои идут на линии Невель – Городок – Сураж – Велиж – Белый – Сычевка – Ржев – Гжатск – Вязьма – Дорогобуж – Ельня – Спас-Деменск – Киров – Ярцево – Починок – Рославль – Кричев – Пропойск – Рогачев – Жлобин – Гомель. Советские войска отбросили нас на 80–250 км и выбили из Московской, Тульской, Калининской, Брянской и многих районов Смоленской области. За декабрь прошлого года наши безвозвратные потери составили 103 600 человек, за январь – 144 900 человек личного состава. При этом пополнения мы получили лишь около 60 тысяч человек. Русские, по нашим оценкам, потеряли примерно около 500 тысяч, но они на коне, а мы еле удерживаемся в седле и продолжаем откатываться назад. Советы навязали нам войну «на истощение». Если все наши резервы исчерпаны, то советское командование бросает в бой все новые и новые части. Боюсь, что все жертвы и усилия наших доблестных войск в этой компании оказались напрасными.

– То есть мы вернулись примерно туда, откуда начинали наступление на Москву осенью?

– Да, но надо учитывать еще 100-тысячную Минскую группу русских, на блокирование которой приходится выделять войска, так нужные на фронте.

– А что, разве «минчан» еще не раздавили? Информации о событиях в Минске в сводках нет, словно там ничего и не произошло. Поэтому мне и хотелось узнать от тебя, что там творится.

– Для того чтобы раздавить восставших в Минске, у нас недостаточно сил. Снимать с фронта войска нельзя. Все резервы, и имеющиеся у ГА, и прибывающие из Европы, направлены для усиления нашей обороны на линии фронта. Мы слишком много потеряли на пути к Москве и обратно. Считаю, что 4-й и 3-й танковых групп как боевых единиц больше нет. Почти вся их техника и тяжелое вооружение остались в снегах на подступах к русской столице. 2-ю танковую спас Модель, своевременно начавший отвод своих частей на промежуточные оборонительные рубежи и контратаками сдерживающий наступательный порыв русских. Этим он спас не только свою группу, но и 4-ю полевую армию от полного разгрома войсками Тимошенко, Ефремова и Рокоссовского. Встав во главе 9-й полевой армии, Модель пытается спасти ее, и это в условиях фактически полуокружения ржевско-вяземской группировки. Если русские 33, 39 и 29-я армии получают подкрепления и перережут дорогу Смоленск – Вязьма, то кольцо окружения вокруг 9-й и 4-й полевых, остатков 3-й

и 4-й танковых армий полностью закроется в районе Ржев – Вязьма. Спасая то, что еще можно, фон Клюге вывел штаб 3-й танковой армии в Витебск. Модель организовал несколько контрударов и вынудил противника в районе Ржева и Белого перейти к обороне. Примерно то же самое происходит и под Вязьмой. Все атаки 33-й армии русских и 1-го гв. кав. корпуса Белова на город отбиты. Это дает нам на этом направлении небольшую передышку для перегруппировки. Положение русских на этом участке фронта значительно ухудшилось. Они выдохлись, измотаны длительным наступлением в условиях суровой зимы, войска обескровленные, им не хватает материально-технических средств для продолжения наступления. В штабе думают, что сейчас можно говорить о том, что удачный этап наступательной операции советских войск закончился. Поэтому у нас есть возможность решения остальных проблем, в том числе и с минской группой. Туда уже подтягиваются войска из Европы и генерал-губернаторства. Хотя для активных действий их еще недостаточно.

– Что-нибудь слышно о «мясниках»?

– Батальон сменил название, и теперь он называется «Брестская Отдельная штурмовая бригада НКВД». Мы знаем, что его подразделения участвовали во взятии Молодечно и Лиды. До недавнего времени они держали оборону в Лидском углу и в районе Молодечно.

– Не слишком ли мало бригады для обороны всего этого?

– Силы русских в районе Лиды оцениваются в несколько пехотных дивизий, усиленных танками и бронепоездами. В районе Молодечно и Заславля стоит еще пара подобных дивизий. Наши силы там куда меньше – всего несколько охранных и вспомогательных частей. Именно поэтому нами там практически не предпринимаются активные действия. По нашим сведениям, Сталиным еще в январе был подписан приказ о мобилизации лиц в возрасте от 17 до 45 лет на освобожденной от нас территории. Мне думается, что русские на базе «батальона Седова» за счет бывших пленных и мобилизованных развернули стрелковую бригаду, правда, забыли уточнить, что она по численности равна дивизии.

– Вполне возможно. Солдаты Седова, видимо, стали командирами вновь сформированных подразделений. По численности их как раз должно хватить для укомплектования командных должностей в новой бригаде, а рядовой состав действительно из пленных. Седов вполне должен справиться с такой бригадой.

Опыт у него есть.

– Опыт действительно есть. Только вот вся проблема в том, что дивизиями в Лиде до последнего времени довольно успешно командовал знакомый нам лейтенант. Это установлено нашей разведкой и подтвердили перебежчики.

– Совсем интересно и непонятно! Лейтенант, пусть и ГБ, на генеральской должности корпусного уровня! Где такое видано?! Неужели у русских такой большой генеральский голод, что назначают капитанов на дивизионный уровень?

– Вот и мне непонятно. Кстати, Седов уже старший лейтенант ГБ. При переводе его спецзвания на армейское – майор. Но все равно даже с учетом привилегированного положения батальона максимальный уровень его командира – это бригада. А тут такой немыслимый рост! Мне тут выдали бредовую версию, что он сын Сталина или кого-то из высшего руководства России.

– Довольно интересная мысль. Только вот как отнести ее к тому, что старший лейтенант ГБ постоянно на острие ходит? Пример приводить надо?

– Нет. Июльского рейда по нашим тылам хватит. Я поручил на всякий случай проработать эту идею. Назначение Седова на столь важный пост может быть обусловлено всем сказанным и тем, что именно у него наиболее подготовленное ударное подразделение.

– А десантники корпуса Левашова?

– У них другое положение в иерархии Минской группы. Минск брали штурмовики Седова, десантники прибыли позже. Все же я думаю, что Седов продвигается по служебной лестнице благодаря своим заслугам. Руководство Советов оценило его по достоинству и потому начало двигать вверх. Заметь, что Сталин все чаще выдвигает на руководящие посты молодых и хорошо показавших себя в деле командиров. Например, Рокоссовского, Ватутина, Романова, Петрова, Лукина, Ефимова, Власова. В то же время он убирает с фронта тех, кто не оправдал его доверия, зачисляя их с понижением в звании и должности на второстепенные направления, или вообще выводит в резерв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vyacheslav-sizov/my-iz-breata-likvidaciya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)